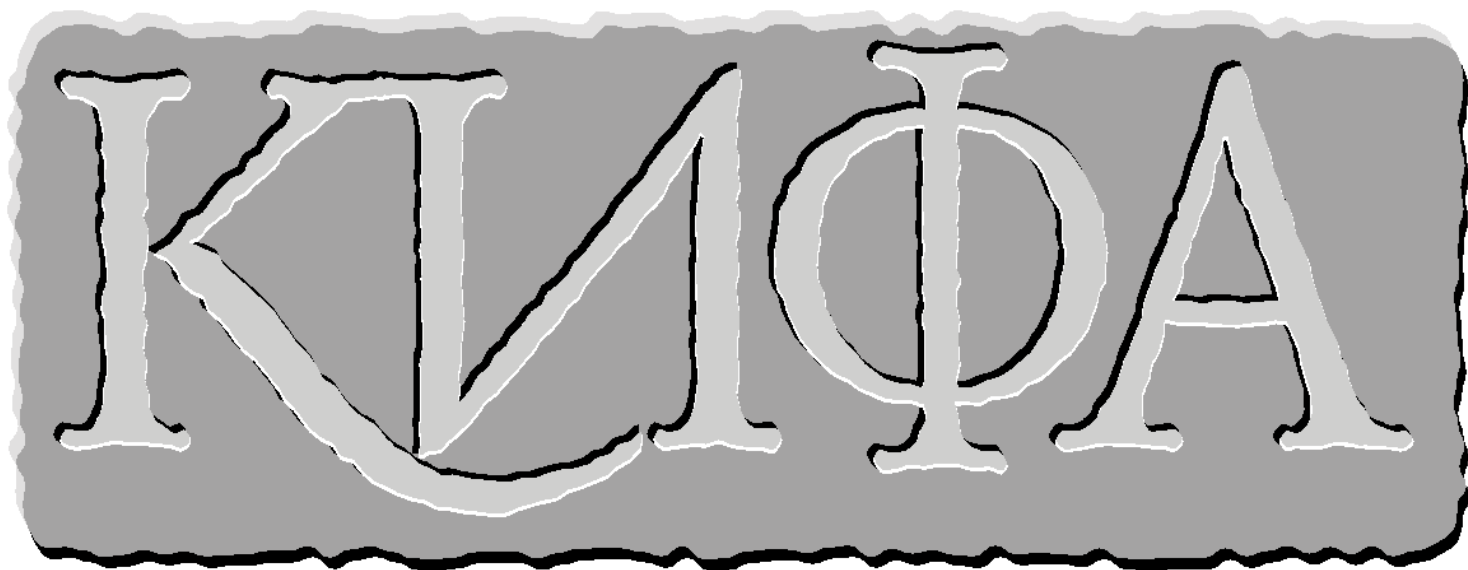

КАНОНИЗАЦИЯ СВЯТЫХ – ЭТО СВИДЕТЕЛЬСТВО О ЛЮБВИ

Интервью Елены Дмитриевны Клепининой-Аржаковской

«Ки́фа»: *Канонизация святых - это всегда не только воспоминание об их подвиге, но и дело живущих ныне людей, их свидетельство о любви к тем, кто прославляется ныне. Не могли бы Вы вспомнить Ваш путь к сегодняшнему дню, когда здесь, в Париже, совершается торжественный акт прославления матери Марии, о. Димитрия и других новых святых?*

Е.Д. Клепинина-Аржаковская: Это началось и в связи со Сретенско-Преображенским братством, которое вы представляете здесь, потому что в журнале "Православная община" впервые было упомянуто, что мать Мария, отец Димитрий достойны признания всех верующих, достойны быть канонизированными. И первым побудил меня к просьбе о канонизации отец Георгий Кочетков, который был у меня в Париже, познакомился с бывшими у меня документами и сказал, что хорошо было бы их представить в комиссию.

Очевидно, что для меня отец мой был уже святым. Мама нас воспитывала в памяти о нем. Мы молились ему. И для меня, девочки, было очевидно, что он закрыл царские врата и поднялся к

Священномученик Димитрий, преподобномученица Мария, мученики Георгий и Илия. Икона работы М.А. Ельчаниновой-Струве

Господу Своему. Первый человек, который как-то возбудил во мне желание прославить его для всех людей, - это именно отец Георгий.

А потом так получилось, что протестантская община на юге Франции пригласила нас на сессию на Преображение и мне поручили рассказать о матери Марии. Сессия была екуменическая, там были протестанты, католики и православные. Я показала несколько вышывок матери Марии, рассказала о ее подвиге, о ее пребывании в концлагере, потом мы даже прослушали ее стихи. Люди были очень растроганы. И тогда кто-то спросил: "Вы, православные, конечно же, давно ее прославили?" Мы сказали: "Нет" - "А почему?" Так наши собратья во Христе нас пристыдили за то, что мы не занялись этим делом.

Потом я вышла на пенсию, у меня уже было больше времени, дети мои уже выросли. И я занялась этим делом. Владыка Сергей (Коновалов), наш архипастырь, благословил меня на него. И я стала собирать документы - сначала только для канонизации матери Марии.

продолжение на стр.2

ЕВХАРИСТИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ НАЧАЛОСЬ НЕ СЕГОДНЯ

Интервью архиепископа Томского и Асиновского Ростислава

«Ки́фа». *После встречи Н.А. Струве со студентами томской семинарии и из многого другого, что мы здесь видели и слышали видно что Вы прилагаете усилия для восстановления единства православной традиции. Как это связано с повседневной жизнью епархии?*

Архиепископ Ростислав: Большинство епархий Русской православной церкви, в т.ч. и томская епархия, возрождаются после разорения, и живого слова священнослужителей сейчас ждут и в учебных заведениях, и в местах заключения, и в различных организациях, на предприятиях. Наши студенты бывают всегда там, в различных вузах нашего города. Часто их можно видеть и в местах заключения, общающихся с теми людьми, которые сейчас лишены свободы, в детских домах. Я думаю, что очень важно, когда церковь не замыкается только в храмовых стенах, когда мы не только ждем, когда кто-то придет к нам "духовной жаждой томим", но и когда мы сами выходим за стены церковные и идем к тем, кто сегодня способен услышать это Божественное слово. Но это возрождение невозможно, если мы будем опираться только на свой опыт, который был ограничен из-за сложных условий существования Русской православной церкви в советское время. Ведь огромный пласт русской культуры сохранила и сохраняла все это время русская эмиграция, в частности, парижская эмиграция

Архиепископ Ростислав в летнем детском лагере

в лице выдающихся богословов, выдающихся ученых, которые творили там, но которые были очень ограничено доступны русскому человеку в советский период. Сегодня возрождение церкви, наверное, невозможно без возвращения этой культуры в Россию. И те встречи, которые проводятся сейчас в связи с приез-

дом в Томск Никиты Алексеевича Струве, могут стать очередным звеном возвращения русской культуры в лице лучших ее представителей сюда, в Россию. Мы надеемся, что это будет серьезным вкладом в возрождение православной жизни здесь, в нашей стране.

продолжение на стр. 10

4 (19)

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА
БРАТСТВ

АПРЕЛЬ
2004

в газете использованы
материалы
сайта www.sfi.ru

АНОНС:

Общецерковным свидетельством о святости матери Марии и ее сподвижников

стал торжественный акт канонизации новопрославленных святых, состоявшийся 1-2 мая в Париже (с.2)

Европа ищет свои исторические корни

В Штутгарте прошел конгресс христианских движений и общин (с.3)

Делай то, что без тебя сделано не будет

Эти слова могли бы стать девизом Солженицынского фонда, о героической истории и многообразной современной деятельности которого рассказывается на сс. 4-5

Тридцать лет и три года

Исполняется движению возрождения катехизации в Русской православной церкви. О его прошлом и сегодняшнем дне размышляют катехизаторы и оглашаемые, проводившие в совместном паломничестве светлую седмицу (сс.6-7)

Моя первая встреча с Аверинцевым

Вспоминая последнее прощание, невозможно не вспомнить о том, что всякая подлинная встреча продолжится и за пределами нашей земной жизни. О своей первой встрече с С.С. Аверинцевым рассказывает поэт Ольга Седакова (с.9)

Сохранить единство в свободе

были призваны церковные каноны. Об этом говорили участники дискуссии об изменчивости канон, проходившей в начале XX века (с. 10)

Об изданиях
и издательствах

По традиции рассказывает наша последняя страница, знакомящая читателей с новыми изданиями Свято-Филаретовского института и работой издательства "Алетейя" (с.12)

В ПАРИЖЕ СОСТОЯЛСЯ ТОРЖЕСТВЕННЫЙ АКТ КАНОНИЗАЦИИ НОВОПРОСЛАВЛЕННЫХ СВЯТЫХ

По ним в последний раз была отслужена панихида, и сразу же после нее началась праздничная всенощная. Богослужение совершалось на греческом, церковнославянском и французском языках, тропари и величания новым святым пелись

и по-церковнославянски, и по-французски. После окончания службы архиепископ западноевропейских русских православных церквей Гавриил (де Вильдер) обратился к присутствующим с кратким словом. В нем он подчеркнул, что те, кто прославляется сегодня, являют собою пример, дающий нам основание задуматься о нашей сегодняшней жизни во Христе.

На следующий день празднование продолжилось на литургии, в которой приняли участие представители поместных православных церквей — русской, румынской, сербской и американской, преподаватели и студенты Свято-Сергиевского богословского института, православные из России, Бельгии, Голландии, Англии, Германии, Италии и других стран. За литургией последовал молебен — первая служба новых святых. Четыре парижских храма отменили в этот день свои богослужения, чтобы их прихожане смогли участвовать в торжестве.

Во время литургии был торжественно зачитан акт о канонизации. После службы Гавриил лично поздравил участвовавших в литургии иерархов, клириков и мирян с радостным событием и подарил каждому из них иконы новопрославленных святых.

Представитель Православной церкви Америки, капеллан американских войск в Западной Европе, зачитал приветствие митрополита Вашингтонского Германа, в котором говорилось, что образ матери Марии хорошо известен американским православным и что произошедшее событие имеет для них большое значение.

Празднование удивительным образом отразило плод свидетельства, принесенный первой русской эмиграцией во время ее вынужденной оторванности от

родины. В храме, где молились многие поколения эмигрантов и где невозможно было не чувствовать их молитвенного присутствия, в торжестве участвовали прихожане разных национальностей и рас. На литургии 2 мая присутствовал католический архиепископ Парижа кардинал Люстиже, несколько католических монахов и даже ветеран эскадрильи «Нормандия-Неман» в военной форме и с национальным флагом Франции в руках.

Участниками праздничных богослужений была отмечена тихая, глубокая торжественность совершившегося события, отсутствие какой бы то ни было внешней парадности. Многие из собравшихся лично знали прославляемых мучеников. Особенно значимым было присутствие двух французских, которые разделяли с матерью Марией заключение в концентрационном лагере Равенсбрюк. Большинству участников торжества, в том числе приехавшим из других стран, как, например, участвовавшим в прославлении представителям Сухожской епархии РПЦ во главе с епископом Сергиевским Василием (Осборном), дорог тот опыт, который являют собой новопрославленные святые, хотя известна и определенная «оппозиция» их прославлению.

Среди присутствовавших

были и те, кто многие годы трудился, своими усилиями по собиранию и восстановлению живой памяти славяв состоявшуюся канонизацию возможной. Прежде всего это протоиерей Сергей Гаккель и дочь о. Дмитрия Клепинина Елена Дмитриевна Клепинина-Аржаковская. Оба они в разговоре с участвовавшими в торжествах представителями Свято-Филаретовского института, членами Попечительского совета которого они являются, выразили свою признательность журналу Свято-Филаретовского института и братства «Сретение» «Православная община», впервые еще в 1991 году выступившему с предложением о канонизации матери Марии.

КАНОНИЗАЦИЯ СВЯТЫХ - ЭТО СВИДЕТЕЛЬСТВО О ЛЮБВИ

Интервью Елены Дмитриевны Клепининой-Аржаковской

начало на стр. 1

«Кифа»: Не могли бы Вы рассказать о своем отце? Вы сами говорите, и это не секрет, что имя матери Марии более известно. Поэтому хотелось бы немного больше услышать о нем. Каким он Вам запомнился? Что в его образе Вы считаете наиболее главным и актуальным для нас, для всей церкви?

Е.Д. Клепинина-Аржаковская: Вы знаете, мать Мария была очень яркой личностью. Она не всегда уживалась со священниками, которые служили у нее в храме. Так получилось, что с о. Дмитрием они очень хорошо ужились, потому что они дополняли друг друга. Мой отец был не уверен в себе, он был скорее кроткий, смиренный, но он был очень тверд во всем том, что касалось церкви, веры, долга христианина. Поэтому он пошел в дело матери Марии, сначала в социальной помощи — бомжам, всем, кто приходил в общежитие на рю Лурмель, а потом в помощи преследуемым евреям. Он никогда не сомневался, что это правильный путь.

Я очень благодарна моей матери, у которой никогда не было ни тени протеста: "Как ты нас оставил? Как ты пошел на этот риск и не подумал о нас?" Нет, она гордилась отцом. Она всё делала после его смерти, чтобы люди помнили о нем. Она устраивала вечера памяти. И все прихожане моего отца приходили и свидетельствовали, например, о его удивительном даре

исповедника. Он умел снимать стресс исповедующего, который иногда не может сказать о себе самого сокровенного. Отец подходил к людям как-то очень мягко, никогда не судил, всегда прощал. Иногда люди даже протестовали и говорили: "Почему Вы так мягко со мной поступаете? Я ведь согрешил, я совершил этот грех, а Вы прощаете?" А он тогда отвечал: "А Вы думаете, я безгрешен?" Мало кто знает, что владыка Евлогий сам сказал: "После моей смерти ходите исповедоваться у отца Дмитрия".

«Кифа»: Еще несколько лет назад мы с трудом могли представить, что возможна такая канонизация. Но вот она совершилась в церкви. Мы присутствуем на этом торжестве, Господь подарил нам эту возможность — и вам, живущим в Париже, и нам, тем, кто приехал специально издалека, из России, из Москвы и Петербурга. Как Вы думаете, какие плоды этой канонизации могут быть в нашей православной церкви в целом, и здесь, в Париже, и в России?

Е.Д. Клепинина-Аржаковская: Этого мы не знаем. Они, безусловно, будут молиться за нас. Они так много сделали для нашей эмигрантской церкви, особенно мать Мария, она так подчеркнула, что мы находимся в таком пространстве свободы, что все возможно для нас. Поэтому она была бы рада и всем начинаниям нашей моло-

дежи, тому, что молодежь все больше и больше привлекают в церковь через активное участие в богослужениях, что появляются псаломщики, что богослужение поется на разных языках, что переводятся тексты. Они бы приветствовали это. Наше дело — молить их о помощи. Они будут указывать нам путь. Но каков будет этот путь, нам неизвестно. Это нам укажет Святой Дух.

«Кифа»: Вы, как член попечительского совета Свято-Филаретовского института, знаете, что институту приходилось переживать разные времена, иногда не очень легкие, в т.ч. и потому, что он старался жить в русле традиции, связанной с ныне прославленными именами. Что бы Вы пожелали нашим преподавателям и студентам?

Е.Д. Клепинина-Аржаковская: Я хочу пожелать вам всего-всего доброго, много терпения, смирения, много сил — именно сил, чтобы продолжить то, что вы делаете. То, что вы так много людей, которые в силу обстоятельств были далеки от церкви, или которые пережили постсоветское время, или которые отворачиваются от всего порочного, что есть в нашем обществе, которые ищут Креста, но еще не воцерковлены и не знают традиции нашей Церкви, вводят в церковную жизнь, воцерковляют — это очень хорошее и богоугодное дело.

Беседовал Александр БУРОВ

ВЕЧЕР ПАМЯТИ МАТЕРИ МАРИИ В "РУССКОМ ЗАРУБЕЖЬЕ"

14 мая в помещении библиотеки-фонда "Русское зарубежье" прошел вечер "Мать Мария: Судьба Серебряного Века" (ведущая — поэт Ольга Седакова).

Вечер был посвящен самым разным сторонам жизни многогранной личности матери Марии.

Живыми впечатлениями об акте канонизации матери Марии и ее соратников, состоявшемся в начале мая в Париже, поделился с гостями встречи один из непосредственных участников торжеств, преподаватель церковной археологии Свято-Филаретовского института А.М. Копировский. В конце своего выступления он сказал несколько слов об иконе мучеников, написанной М.А. Ельчиной-Струве. Манера письма Марии Александровны напоминает стиль матери Иоанны (Рейтлингер). Святые изображены предпринявшими перед Распятием Христом. По словам иконописца, она сознательно уходила от обычного для современных икон многих новопрославленных святых портретного сходства, делающего их больше похожими на стилизованные фотографии. Поэтому иконописный образ матери Марии лишен каких-то конкретных черт и представляет собой скорее тип преподобномученицы.

Интересная деталь — на иконе Юрий Скобцов изображен не рядом с матерью, а рядом с о. Дмитрием Клепининым. Объясняется это, с одной сто-

роны тем, что изображать монахиню рядом с сыном не очень уместно, а с другой, точно соответствует реальности — Юрий был очень привязан к о. Дмитрию, имевшим на него исключительное влияние и погибшим почти одновременно с ним в том же концлагере.

Заявленную тему Серебряного Века в творчестве матери Марии раскрыл в своем сообщении литературовед О.А. Лекманов.

Историк, специалист по агиологии И.В. Семененко-Басин рассказал о смене типов святости в начале XX века. По его словам, старый средневековый тип характеризовался вниманием только к двум реальностям: отдаленная человеческая душа и Бог. Даже купеческая душа, сделавший много добра для бедных, видел подлинный идеал святости в том, чтобы затвориться в комнате без окон и провести десять лет в непрестанной молитве. В начале XX века на смену средневековому приходит новый тип святости, главной характерной чертой которого можно назвать открытие другого. Это время одного из периодов расцвета Оптиной пустыни и движения братств. Это время интереса к субкультурам: сектам и старообрядцам, который объясняется тем, что у них существовала реальная

община.

Ольга Седакова в своем кратком слове коснулась влияния Блока на Е. Кузьмину-Караваеву. Это влияние имело определяющее значение и для всей эпохи в целом, что дало основание уже современникам называть этот период "временем царствованием Блока".

Окончился вечер выступлением А.И. Шмаиной-Великановой, говорившей о богословии матери Марии. Мать Мария впервые в богословии не просто провозгласила, а последовательно раскрыла и обосновала тот тезис, что евхаристия — таинство самоотдачи за мир. И если Христос делает это во все времена, то почему же мы делаем это только в храме? Стены храма пронцаемы. Христианская жизнь — это проекция литургии в мир. Здесь источник того "богословия свободного сотрудничества во Христе", которое с таким трудом вмещается современным церковным сознанием.

В ШТУТГАРТЕ ПРОШЕЛ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ХРИСТИАНСКИХ ДВИЖЕНИЙ И ОБЩИН «ВМЕСТЕ ЗА ЕВРОПУ»

8 мая 2004 г. в Штутгарте состоялся международный конгресс христианских движений и общин «Вместе за Европу». 10 тысяч человек, представителей более 150 групп и движений из католической, англиканской, а также различных православных и протестантских церквей собрались в концертном зале Ганс-Мартин-Шлейер-Халле, и еще около 100 тысяч человек в 150 городах Европы при-

соединились к этому событию по спутниковой связи. В конгрессе приняли участие 55 епископов из 12 церквей.

В конгрессе по приглашению движения фокляров участвовали представители Преображенского содружества малых православных братств и Свято-Филаретовского института.

Целью конгресса было соби́рание живых христианских сил Европы и соединение усилий различных церквей ради построения единой Европы, которая сохранила бы связи со своими христианскими корнями, так чтобы христианские ценности остались основой ее духовности. Премьер-министр земли Баден-Вюртемберг Эрвин Тойфель в своем приветственном слове сказал, что Европа выросла на трех холмах — римском Капитолии, афинском Акрополе и иерусалимской Голгофе. Председатель Комиссии ЕС Романо Проди подчеркнул, что история Европы не имеет никакого смысла без учета истории христианской церкви и что идеалы и надежды, которыми сегодня живут европейцы, во многом сформировались под воздействием христианской веры.

Христианство для Европы не только история. Основатель и президент движения фокляров Кьяра Любич назвала отцами Европы великих святых Запада и Востока, воплощавших Евангелие в своей жизни, и затем поставила вопрос о том, каким образом евангельский свет может светить в современных христианах, чтобы христианство продолжало определять жизнь континента — и в настоящем, и в будущем. И сегодня в осуществлении этой задачи огромное, возможно, решающее значение, по общему мнению, принадлежит церковным движениям и общинам.

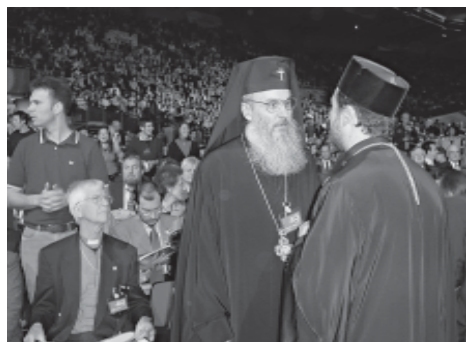
В XX веке, особенно во второй его половине, в церкви родилось большое число движений, в которых участвуют клирики и миряне, а с некоторого времени среди их активных членов все чаще оказываются и епископы. В последние годы наметилась устойчивая тенденция к укреплению связей и расширению общения между такими церковными сообществами, и все чаще этот процесс встре-

чает поддержку и получает благословение иерархии. Между общинами происходит сближение, в результате которого они не теряют своей самостоятельности, но, как было отмечено в обращении оргкомитета конгресса, «Бог собирает из них огромную и многоцветную мозаику, которая есть нечто гораздо большее, чем простая совокупность составляющих ее частей». Вступая в общение друг с другом, христианские движения начинают понимать, что существующие разделения и различия не всегда являются непреодолимой стеной. «Когда главная цель для каждого из нас — воздать Богу Его славу, мы обнаруживаем, что мы вместе».

На конгрессе в Штутгарте состоялись презентации крупнейших христианских движений Европы и звучали молитвы о единстве. Христиане благодарили Бога за Церковь и старались вместе осмыслить, что Святой Дух говорит церквям сегодня.

Конгресс предварялся масштабной конференцией, прошедшей там же, в Штутгарте, 6–7 мая под девизом «Вместе находить богатство и разделять его друг с другом», в которой приняло участие около тысячи руководителей и активистов церковных движений. В рамках этой конференции работали десятки форумов и круглых столов, состоялись встречи епископов различных церквей, пресс-конференции, и, конечно, многочисленные личные встречи представителей церковных общин и групп. Среди вопросов, обсуждавшихся на форумах, были такие, как роль духовных движений в обновлении церковной жизни, вклад христиан в будущее Европы и мира, влияние христиан на политические процессы и на развитие экономики, проблемы семьи, молодежи и др. Руководители рассказывали о жизни своих движений, о стоящих перед ними задачах и о результатах деятельности.

Основной лейтмотив конференции, который постоянно звучал в выступле-

ниях и дискуссиях, — это то, что через духовные церковные движения обновляется церковная жизнь и народ Божий открывает новые пути для действия Святого Духа. Хотя в начале своего существования практически все движения пережили серьезные трудности и столкнулись с непониманием в церковной среде и неприятием со стороны церковных властей, со временем подозрительное отношение было преодолено и рост движений был осмыслен как продолжающееся в истории откровение о Церкви. Кардинал Вальтер Каспер, глава папского

Совета по христианскому единству, в своем выступлении назвал церковные движения и общины даром Святого Духа нашему времени. Христос, Господин истории, через движения дарует Своей Церкви новые импульсы. Духовные движения появляются в церкви в ответ на вызовы времени — как радикальный путь, как противодействие духу века сего, как живое воплощение Евангелия. С большим внима-

нием было выслушано сообщение ученого секретаря Свято-Филаретовского института Л.Ю. Мусиной, представлявшей Преображенское содружество малых православных братств, об этом братском движении в Русской православной церкви, которое, так же как все церковные движения, появилось как ответ на проблемы, поставленные самим временем. Участники форума, которые считали, что никаких движений в современном русском православии не существует, выразили горячую поддержку и солидарность усилиям Содружества по решению актуальных задач катехизации, христианского просвещения и созиданию общинно-братских связей между верующими.

Движение предполагает общение в любви между его членами и открытость к другим христианским сообществам, и таким образом укрепляется единство Церкви и преодолеваются секуляристские тенденции, которые являются при-

чиной вражды и разделений. Среди плодов движений мы видим разрушение многих барьеров: между культурами, между христианскими конфессиями, между мирянами и иерархией внутри самой церкви.

Через духовные движения и общины народ Божий может создавать пространство для новой жизни и предлагать народам Европы ценности и нравственные ориентиры, в основе которых лежит евангельская любовь. Христианам необходимо мобилизовать свой разум, инициативность и творческую энергию и работать вместе для того, чтобы Европа перестала быть укрепленным бастионом и превратилась в территорию справедливости и мира.

То, что в размышлениях о своем будущем Европа связывает с христианством определенные надежды, было видно из того церковного и политического резонанса, который получил прошедший конгресс. Приветствия его участникам направили папа Иоанн-Павел II, Вселенский патриарх Варфоломей, архиепископ Кентерберийский Р. Вильямс, а также Генеральный секретарь Совета Европы В. Швиммер, президент Германии И. Рау, главы ряда европейских стран и многих церковных и общественных организаций. На конгрессе присутствовала вдовствующая королева Бельгии Фабюла.

Осмысливая итоги прошедшего в Штутгарте конгресса и разделяя с нашими братьями, христианами Европы, стремление к примирению и единству, нельзя, конечно, не думать о реальной расколотости церкви, так же как невозможно забыть о накопившемся за века разделения грузе проблем и противоречий. Однако на конгрессе прозвучала та важная мысль, что в общении друг с другом важнее не то, откуда мы идем, а то, куда мы движемся. Вспоминая о наших трудностях и бедах, об исторических грехах церквей и нанесенных друг другу обидах, необходимо прежде всего взирать на Распятого Христа и видеть Его раны и Кровь, которая пролита для нашего исцеления.

При завершении работы конгресса был принят итоговый документ — послание христианам Европы, полный текст которого мы приводим.

ПОСЛАНИЕ УЧАСТНИКОВ КОНГРЕССА ХРИСТИАНСКИХ ДВИЖЕНИЙ И ОБЩИН «ВМЕСТЕ ЗА ЕВРОПУ»

1. Европа достигла ключевой точки в своем существовании и в планировании своего будущего. Стало ясно, что единство Европы не должно сводиться просто к общему рынку или к союзу ради укрепления безопасности. Мы видим, что действие Божьей любви побуждает народы Европы к большему.

Европа, континент красоты и многообразия, знала в своей истории периоды величия и роста, но она приобрела также тяжелый опыт, преподавший ей ту горькую истину, что, отказываясь от обращения к глубинным ценностям, люди отрываются от корней самой своей человечности и оказываются способными на самые чудовищные преступления.

В прошедшем веке две мировые войны, концлагеря, Гулаг и особенно Холокост (Шоа) явились свидетельствами той тьмы, которая обитает на нашем континенте, болезненно отражаясь на жизни остальной части мира. Вопиющие проблемы стоят перед нами и сегодня: маргинализация, несправедливость, эксплуатация, терроризм.

Однако, несмотря на все эти бедствия, мы с благодарностью замечаем, что Европа движется в направлении примирения и согласия. Мы видим свободную и демократическую Европу.

2. Побуждаемые преображающей силой Евангелия, мы чувствуем, что призваны к действию ради того, чтобы наш континент был одновременно и многоликим, и единым.

Мы, члены более 150 движений и групп из различных христианских церквей и сообществ, со всех концов Европы собрались в Штутгарте, чтобы засвидетельствовать новизну растущего товарищества и единства между нами, которая явлена нам Святым Духом.

Единство жизни — это новое русло для культурных традиций, пронизанных светом библейского и христианского откровения, которым в прошедшие века воздвигался наш континент.

Мы приносим наше содружество в дар Европе, чтобы сделать ее способной отвечать на вызовы времени.

3. Дары Божьи, харизмы, подвигают нас идти по пути всемирного братства, и мы видим в этом подлинное призвание для Европы. Братство — это евангельская любовь между нами, постоянно обновляющаяся, берущая начало здесь и теперь.

Братство означает:

- совместное пользование благами и ресурсами
- равноправие и свободу для всех людей
- соби́рание общего культурного наследия
- открытость к людям других культур и религиозных традиций
- любовь и солидарность со слабыми и немощными
- глубокое чувство общности
- уважение к человеческой жизни на всех ее этапах
- забота о природе и окружающей среде
- сбалансированное развитие средств сообщения

Живя в таком содружестве, Европа сама станет посланием мира — действенного мира, который ежедневно создается прощением — просимым и получаемым. Этот мир будет строить мосты между народами, «глобализируя» солидарность и справедливость.

4. Это послание не должно остаться просто заявлением о намерениях: пусть оно послужит свидетельством о том, что, хотя и появилось совсем недавно, уже является реальностью нашей жизни.

Мы — христиане, собравшиеся в Штутгарте и связанные с участниками аналогичных встреч, происходящих параллельно более чем в 150 городах по всей Европе, хотим работать вместе со всеми людьми доброй воли для того, чтобы Европа стала континентом любви и братства, чтобы она осознала свою ответственность и стала открытой всему миру.

НЕ ПРОПУСТИМ ДОСТОЙНЫХ, НЕ НАГРАДИМ ПУСТЫХ

Еще в 1974 г., 30 лет тому назад, когда А.И. Солженицын получал свою Нобелевскую премию, возникла мысль об учреждении "когда вернемся в Россию (ой, когда?)" собственной литературной премии. Именно тогда в его блокноте появилась запись: "знаем теперь истинные масштабы жизни, не пропустим достойных, не наградим пустых".

Свое существование литературная премия Александра Солженицына начала только через 23 года, в 1998 году. Ею награждаются писатели, живущие в России и пишущие на русском языке, чье творчество "обладает высокими художественными достоинствами и вносит значительный вклад в сохранение и бережное развитие традиций отечественной литературы". В жюри, кроме Александра и Натальи Солженицыных, входят литературный критик Павел Басинский, писатель Валентин Непомнящий, историк литературы Людмила Сараскина, профессор и издатель Никита Струве (Париж). Лауреатами премии становились филолог Владимир Топоров, поэтесса Инна Лиснянская, прозаики Валентин Распутин, Константин Воробьев, Евгений Носов и Леонид Бородин, философ Александр Панарин, поэты Ольга Седакова и Юрий Кублановский. В 2004 года премия впервые была присуждена не писателям, а кинематографистам - режиссеру Владимиру Бортко и артисту Евгению Миронову за создание фильма "Идиот".

Оба лауреата 2004 года передали свои части премии в петербургский детский дом. Сумма премии составляет 25 тыс. долларов и выплачивается из денег Солженицынского фонда.

ДАР РОССИЙСКИМ БИБЛИОТЕКАМ

Интервью
с главой издательства
YMCA-Press Н.А.Струве

"Кифа": Никита Алексеевич, не могли бы Вы рассказать о программах по передаче книг различным русским городам?

Н.А. Струве: В самом начале 90-х годов мне часто помогало французское Министерство иностранных дел, и мы устраивали дарение книг вместе с посольством. Я это называл франко-русским книжным союзом, и они дарили книги на французском языке, а мы дарили книги YMCA-PRESS. Иногда помогали французские регионы, иногда русские эмигранты, которые хотели как-то участвовать в этом. Но потом все стали немножко уставать от такой "книжной" спонсоризации. И сейчас в этой программе помогает почти исключительно фонд Солженицына. Тем самым эта программа очень расширилась, поскольку книгопечатание в России процветает, а областные библиотеки не всегда имеют средства. И мы теперь дарим не только книги YMCA-PRESS. Из тех книг, что мы передали в марте этого года в библиотеки Томска, наши книги - это 500 экземпляров, а весь дар - это 5 тысяч экземпляров Российских изданий. Всего же с начала 90-х годов книги в дар от нашего издательства получили около 60 городов России.

ДЕЛАЙ ТО, ЧТО БЕЗ ТЕБЯ СДЕЛАНО НЕ БУДЕТ

Н.Д.Солженицына рассказывает об истории и сегодняшнем дне Солженицынского фонда

27 марта 1974 года Наталья Дмитриевна Солженицына, уезжая из страны вслед за мужем, насильственно высланным из России, написала открытое письмо, которое, как нам кажется, представляет собой лучшее предисловие к рассказу о работе Солженицынского фонда, которому мы посвящаем эти две страницы. Вот это письмо:

«Александр Исаевич Солженицын выслан из страны. Выслан силой, беззастенчиво, вероломно. Русский писатель, главной болью которого была и будет судьба России - обречен жить в изгнании.

Многие годы стремились оборвать его связь с соотечественниками. Но газетная брань, и закулисная клевета, и грязные анонимные угрозы бессильны были исказить и приглушить его голос, всегда обращенный к этой земле, к ее народу. Наконец, поняли, что добровольно Солженицын никогда не оставит России. Тогда решились: арест, конвой, принудительный увоз.

Можно разлучить русского писателя с родной землей, но преречь его духовную связь с ней, но отнять у России Солженицына - такой власти и силы нет ни у кого. И пусть сейчас здесь запылали костры из его книг, их жизнь на родине неистребима, как неистребима любовь Солженицына к России.

Мое место - рядом с ним. Но уезжать мучительно больно.

Больно расставаться с Россией.

Больно, что на жизнь без родины обречены наши дети.

Больно и трудно оставлять друзей, не защищенных мировой известностью от мстительной власти.

Вынести эту боль дает только вера - мы вернемся. Не знаю, когда и как, но верю твердо. Верю потому, что на моих глазах к России, казалось, уже позревшей и забывшей себя, начали возвращаться живое дыхание и память.

Еще недавно преследуемого человека окружало поле страха и неприязни. И вот вновь пробивается и крепнет подлинно-русское чувство сострадания, не к единомышленнику только, а просто к гонимому, травимому, несправедливо осужденному. И часто не обеспеченные, а те, кто сами едва сводят концы с концами, отрывая от себя и своих детей, помогают детям политзаключенных или терпящих за веру.

На наших глазах совершается чудо. Поруганная, оплеванная, затоптанная вера не умерла в России, но с каждым днем неодолимо влечет к себе новые и новые души. Люди джуд и ищут истины. Молодые по крупицам собирают драгоценное духовное наследие, приговоренное к забвению. Для новых поколений исторический опыт не прошел даром.

В этом чуде - наше будущее, в нем - основание надежды.

Не мне судить о сроках, но мы вернемся. И детей наших воспитаем русскими.

И потому - мы не прощаемся ни с кем.

Наталья Солженицына».

"Кифа": Наталья Дмитриевна, расскажите о том, как родился Фонд.

Н.Д.Солженицына: Само общество в 60-х годах родило некое новое бесстрашие. До этого, с тех пор, как в 1929 году полностью разгромили пешковский комитет помощи политкалторжанам, пересажав всех его сотрудников, помогать заключенным боялись - разве что в страшной тайне и неорганизованно, и только родственникам. Во всяком случае, никакой общественной поддержки арестованным не было. А в 60-е годы - я это видела своими глазами - начало возвращаться то чувство сострадания, без которого невозможно помыслить нормальное общество.

В те годы я была дружна с Аликом Гинзбургом и его женой. Алик был человеком, который "видел вокруг себя". Он, сидя в лагере, постоянно направлял нас на воле: эка "Х" надо подписать на такую-то газету; семье такого-то нужно помочь: жену выгнали с работы - и т.д. И еще: все железные дороги у нас устроены так, что идут через Москву. И если жена эка, иногда и с детьми, ехала из Ленинграда, Прибалтики, Киева на свидание в Потьму, она должна была остановиться в Москве. Мы находили места, где можно было переночевать - у одного, другого, третьего. Это тоже было непросто, потому что за это по головке не гладили, особенно когда пошли "групповые" дела.

Когда Алик в 1972 вышел из заключения, после второго своего срока, они с Александром Исаевичем встретились, и Алик сказал: я этих людей, в лагере и тюрьме, не брошу, надо сбивать какие-то группы, чтобы им помогать. Александр Исаевич ответил: "Я отдаю на это четверть

своей Нобелевской премии". Это тогда еще не называлось "фондом", просто он сказал: "Можете рассчитывать на эти деньги сейчас". Так что реальная помощь началась тогда, в 1973 году. Когда же в 1974, вслед за публикацией "Архипелага ГУЛАга", Солженицын был выслан из СССР, он сразу стал оформлять Фонд (в Швейцарии, где мы жили первые два года после высылки) и отдал ему все мировые гонорары за "Архипелаг", настоящие и будущие.

Так родился Фонд. Его название было тогда: "Русский Общественный Фонд помощи преследуемым и их семьям": швейцарцы возражали против слова "политзаключенным" (по своей нейтральности). Ну а на родине Фонд с самого начала называли просто "солженицынский". Мы обеспечивали подачу средств отсюда сюда - официально это было невозможно, это были достаточно сложные цепочки. Алик же нашел немало добровольцев, доставлявших эту помощь в семьи эзков. Тогда это было дело праведное, героическое, отчасти романтическое.

Сейчас оно - легитимное, но тоже, в общем, необычное, потому что других таких фондов я, честно говоря, не знаю.

"Кифа": Фонд не очень известен. Это сознательный уход от публичности или просто так получилось? Ведь о нем было не так уж много публикаций за тридцать лет его работы?

Н.Д.Солженицына: А много и не надо. Либо работать, либо пиарить. Сознательно ли это получилось или естественно? И то, и другое. Понятно, что, когда Фонд начинал работу, - за него сажали, и прежде чем говорить о нем публично - надо было семь раз отмерить. В Фонде волонтеров одно время было 120 человек, - людей, которые

не получали ни одной копейки и каждый из которых рисковал. Распределение помощи было работой и технической, и сопротивленческой, и, главным образом, нравственной. И очень опасной. Конечно, мы все работали и молчали, без крайней нужды к микрофону не тянулись. Надо сказать, мы и сейчас не стремимся к публичности.

"Кифа": Чтобы "правая рука не знала, что делает левая"?

Н.Д.Солженицына: Нет-нет. Когда ведешь целое хозяйство, нужно, чтобы все руки все знали, глаза видели, уши слышали.

Просто есть определенная неписаная этика, совершенно естественная: тот, кто получает помощь, волен об этом говорить или не говорить, это его выбор. Но благотворящий не должен называть имени благотворимого.

Есть и другая причина, по которой мы не очень стремимся к публичности. Я принципиально не хочу, чтобы Фонд оканализовался, чтобы было много сотрудников, чтобы, как говорится, "сало нарастало на сердце", плывут деньги и плывут, нет разницы куда. Хорошо, что все, кто работает в Фонде, имеют шанс видеть тех стариков, к которым эти деньги приходят. Если начать повсюду о Фонде рассказывать, то мы тем составом сотрудников, который у нас есть, не управимся наверняка. Одних писем у нас сейчас тысячи, а будут сотни тысяч. Фонд будет разбухать, обюрокрачиваться, нам не хватит помещений, превратимся Бог знает во что. Мы этого не хотим.

Да ведь и людей для такой работы найти достаточно трудно. Для тех, кого ГУЛАГ не коснулся, хотя бы через семью, - для них это будет, может быть, уважаемая, но просто работа. А у нас работают люди, которые сами сидели. И пока справляемся. Мы думаем, что наш долг - охватить все бывшие территории Советского Союза. Это нам в общем к данному моменту удалось: мы помогаем почти девяти регионам. Теперь, когда политический ГУЛАГ, слава Богу, канул, - мы помогаем сидельцам бывшим, чья старость сегодня горше горького.

Отчасти дело и во мне. Я ведь "по совместительству" руковожу Фондом. А мой главный долг - это работа с Александром Исаевичем. И я не могу брать на себя большие затраты времени, чем сейчас.

"Кифа": Известны разные стороны работы Фонда: помощь жертвам ГУЛАГа, культурные программы - передача книг библиотекам, вручение Солженицынской премии. Есть ли общая идея, которая их объединяет?

Н.Д.Солженицына: Ну конечно. Делай то, что без тебя сделано не будет. Устав Фонда мы с Александром Исаевичем разрабатывали еще в 1974, сразу по высылке. Поставили две задачи.

Первая - помочь физически выжить сидельцам ГУЛАГа и их семьям. Мы оплачивали посылки эзкам, дорожку женам на свидания, оплачивали адвоката на стадии следствия, давали регулярную сумму на каждого ребенка и на старика родителя, если сын был единственным кормильцем. Александр Исаевич считал это главной задачей: деньги от "Архипелага" должны быть повернуты на помощь жертвам сегодняшнего ГУЛАГа - очень естественная вещь.

Вторая задача была задача

культурная, и в тот момент она формулировалась примерно так: с помощью денег "Архипелага" помогать тем культурным проектам, которые невозможно осуществить в Советском Союзе. Ну например, мы помогли зафиксировать на фото пленку стремительно разрушавшиеся от сырости фрески замечательного русского иконописца инока Григория Круга, он расписал много православных храмов во Франции, - и затем издали альбом. Мы основали две серии: ИНИРИ (Исследования новейшей русской истории) и ВМБ (Всероссийская мемуарная библиотека). "Исследования" редактировал Александр Исаевич, а мемуарную серию - я. Еще в 1975 году Александр Исаевич дважды призвал русских эмигрантов не уйти из жизни, не написав воспоминаний. Ясно, что к этому времени было опубликовано уже много мемуаров людей, которые сыграли существенную роль в революции, с той или с другой стороны. Все, кто хотел написать: "Виноваты вы, а не мы!", уже это сделали. Призыв Александра Исаевича был обращен к простым людям, не делателям революции, а к тем, по чьим семьям революция и гражданская война прокатились, и кто оказался за границей. И вот он призвал написать такие, что называется, "партикулярные", мемуары с обязательством, что передаст все это в Россию, когда она освободится. Никто, кроме него, не верил, что это произойдет при его жизни, да и он писал: "я или мои наследники", но все же он всегда непостижимым образом в это верил.

И когда это произошло, мы привезли сюда, в Россию, более семи сотен таких воспоминаний, абсолютно уникальных - они нигде не опубликованы, кроме нашей же серии, где мы напечатали лучшие из них в двенадцати книгах. Остальные рукописи - могут быть прочитаны в читальном зале библиотеки "Русское Зарубежье". Здесь мы продолжаем эту работу, таких рукописей теперь уже больше тысячи. И обе исторические серии продолжаем издавать, теперь уже не в "Имке", но в ее наследнике, "Русском пути".

Две задачи Фонда в какой-то степени смыкаются. Мы пытались посылить противостоять тому злу, которое причинили стране большевики. И в прямом смысле - помогая тем, кто злу сопротивлялся, и за то был кинут в ГУЛАГ. И собирая воспоминания нескольких российских поколений, чтобы не утрачена была историческая память, которую уничтожали 70 лет целенаправленно и планомерно.

Москва, 27 апреля 2007 г.

ЭТО БЫЛО НЕОБЫКНОВЕННОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ БРАТСТВО

О "фондовском" круге 70-х-80-х годов рассказывают Арина Гинзбург и Сергей Ходорович

РАСПОРЯДИТЕЛИ
СОЛЖЕНИЦЫНСКОГО ФОНДА,
ПОЛУЧИВШИЕ ЛАГЕРНЫЕ СРОКИ:

Александр
Гинзбург
(1936 - 2002)

Один из ведущих диссидентов-правозащитников. В 1959-1960, будучи студентом Историко-архивного института, основал один из первых самиздатских литературных журналов "Синтаксис"

(вышло 3 номера). Вскоре был арестован и осужден на 2 года лагерей. В 1966 издал сборник материалов по делу А. Синявского и Ю. Даниэля под названием "Белая книга". За это был повторно арестован в 1967 году вместе с тремя другими издателями сборника (процесс "четырех") и осужден на 5 лет лагерей. Вскоре после своего освобождения в 1972 году становится распорядителем "Русского Общественного Фонда помощи преследуемым и их семьям", и вновь активно включается в разностороннюю правозащитную деятельность. В 1976 году Гинзбург стал одним из основателей Московской Хельсинкской группы. В 1977 году вновь арестован и осужден на 10 лет лагерей и ссылку, но в 1979 году в числе пятерых политзаключенных был выслан из СССР в обмен на советских шпионов. Сначала жил в США, а с 1980 года и до своей смерти - в Париже.

«Я могу сказать, что он — один из самых светлых людей нашего поколения. Истинный христианин, он жил в сознании, что вера без дел мертва. Тяжело больной, он никогда не отказывал тому, кто нуждался в нём. Он находил для всех время, теплое слово, участие. Он обладал редкой памятью, и в памяти держал адреса, имена сотен заключенных. Вы могли разбудить его среди ночи, и он точно знал, кому срочно нужны деньги для поездки к мужу, какой мальчик, сын ээка, болен, и какое лекарство ему нужно, какая девочка выросла из теплой одежды — а зима приближается...» (Из речи Н.Д. Солженицыной 29 ноября 1978 г. перед членами Христианского сообщества и студентами Дартмутского университета (Новая Англия))

Сергей Ходорович
(род. 1940)

В конце 60-х годов сблизился с кругом правозащитников. Под влиянием романа Солженицына «В круге первом» принял решение не участвовать в несправедливостях и бессмыслице советской действительности («это оказалось крайне трудно, почти невозможно»).

Вскоре после ареста Александра Гинзбурга становится распорядителем Солженицынского фонда, сначала вместе с Ариной Гинзбург, а после ее отъезда к мужу в США - фактически один.

Арестован в 1983 г., подвергнут страшным избиениям в так называемой «пресс-камере». Следствие проводилось с особенной жестокостью, т.к. незадолго до этого одного из местных распорядителей Фонда удалось принудить к публичному самооговору, и московским «следователям» не хотелось ударить в грязь лицом перед провинциальными коллегами. Не поддавшись давлению, был осужден на три года северных лагерей (Норильск). В лагере получил повторный срок. Освобожден досрочно под условием немедленной эмиграции. С 1987 г. живет в Париже.

"Кифа". Н.Д. Солженицына в разговоре с нами как-то сказала, что круг тех "невидимок", которые помогли А.И. Солженицыну, объединял особый дух братства. Можно ли это сказать и о круге людей, связанных с Фондом? Если да, то как это проявлялось?

Арина Гинзбург. Мне совсем недавно, в связи со смертью Лары Богораз и двадцатипятилетием высылки пятерых заключенных, среди которых был Гинзбург, приходилось говорить, что сейчас диссидентов, вообще этот круг, и особенно круг Фонда, изображают совершенно неправильно. Скажем, статья про Лару Богораз называлась: "Она всегда стреляла первой". Подумайте только: они всей своей мощью ввели танки в Чехословакию. Она через пять дней с шестью товарищами вышла на мирную демонстрацию, их схватили, посадили - и это называется "она стреляла первой"! Причем, как выяснилось, этот заголовок - слова подполковника КГБ, который курировал её! Получается, что нас изображают либо этакими сидящими в окопе с сигарками во рту и стреляющими, либо как тех, кто находится на содержании у ЦРУ и т.п.

На самом деле это было, с одной сто-

роны, действительно очень страшное время, потому что слежки, обыски, допросы, непрерывные угрозы. А с другой стороны - это было веселое и какое-то необыкновенное человеческое братство. Сейчас, когда я стала писать воспоминания, я поняла: мы двадцать пять лет здесь живем, а мне интересно писать про то, что было тогда.

Владыка Антоний (Блум) говорил, что в каждом человеке заложено что-то, к чему он в жизни должен приблизиться максимально. И вот то время было максимально близко к тому, что мне было суждено в этой жизни сделать. А все, что потом - это было отдаление.

Это было время, когда можно было в любое время дня и ночи позвонить и сказать: нужно кого-то проводить в лагерь - и тут же находился тот, кто едет. К кому-нибудь надо было поместить старушку, маму какого-то заключенного - и всегда находилось к кому. При том, что существовал Солженицынский фонд, люди все равно приносили деньги. Я недавно смотрела наши отчеты (мы же умудрялись их еще как-то писать и пересылать, потому что Солженицыны зарегистрировали этот фонд в Швейцарии и должны были давать ежегодный отчет, а его нельзя же было "с потолка" взять - и были бумажки, где мы записывали: кому, как, сколько и потом с надежными оказиями отправляли), и в этих отчетах написано, скажем: столько-то потрачено денег Фонда плюс 3125 рублей собрано внутри России. То есть люди, понимая, что есть большие деньги - ведь все деньги "Архипелага" пошли в этот фонд, до одной копейки - понимали и то, что это нас не освобождает, что мы должны и сами помогать. Студенты сдавали по трешке, по пятерке...

Дети у меня были еще совсем маленькими, когда Алика арестовали. И все с ними возились. Мой сын Саня как-то сказал мне, когда мы уже жили в Америке: "Мам, у нас же было счастливое детство!" - потому что вокруг было столько любви, столько добра, которое их питало. Все наши дети были почти ровесниками - 5-7 лет. И вот на санькин день рождения собирались все эти дети - и это было как семья, как братство. В моей жизни больше такого не было. Есть фотография с такого праздника, которую я посылала Алику в лагерь, там детей пятнадцать, наверное. И над головками у всех мы написали, кто есть кто, а то бы он не узнал - они же вырастали тогда очень быстро...

Была какая-то общая среда, где люди понимали друг друга абсолютно. И вот мы с Сережей - не было случая, чтобы поспорили, в чем-то не согласились, а ведь какая страшная была жизнь.

Сергей Ходорович. По-моему, это в общем и понятно. Людей, которые внутренне освободились, это соединяет друг с другом. Главное - это чувство полной уверенности в том, что ни у кого никаких задних мыслей нет, что можно сказать что угодно кому угодно, что

можно попросить в любое время любой помощи.

У меня осталось от того времени ощущение как от самого счастливого времени в жизни - от тех нескольких лет, когда можно было друг на друга полагаться полностью, знать, что твой собеседник тебя понимает. Иногда бывает, что, начиная говорить, чувствуешь: то ли тебя не понимают, то ли чего-то бояться, то ли еще что-то. Тут этого не было. Когда все это спадает, человек чувствует себя легко, свободно и очень комфортно. Ни у кого не было никаких ни должностей, ни зарплат. Люди где-то работали, а все свободное время отдавали этой помощи.

"Кифа": Те люди которых сейчас прославляли здесь, в Париже, и весь их круг - они являли собой внутреннюю свободу. Они могли в чем-то быть несогласны друг с другом, но они всегда сохраняли уважение к свободе другого. Часто это бывает трудно сохранить в условиях как бы "обрушившейся" внешней свободы. Как из этой ситуации выходить?

Арина Гинзбург. Мы это испытали первыми, оказавшись в эмиграции. Для нас наши годы в эмиграции были очень трудными и, если бы я не встретила владыку Антония, непродуктивными.

Мне кажется, лучше всего о том, что здесь главное, сказал Пастернак - ...ли единой долькой

Не отступаться от лица,

Но быть живым, живым и только,

Живым и только до конца.

Вот и все. Самые простые вещи. Как Вы сказали: свобода предполагает уважение к свободе другого. Мне кажется, что в этом залог всего - чтобы душа осталась живой.

Париж, 5 мая 2004 г.

ЛЮДИ ОЧЕНЬ РАДЫ ЭТОЙ ПОМОЩИ

Интервью с В.Г. Фастом

"Кифа": Вильгельм Генрихович, с какого года Вы являетесь представителем фонда Солженицына здесь, в Томске?

В.Г. Фаст: Я сейчас не помню точно, наверное с 92-93г.г. В свое время через нашу квартиру проходили ссылки и те, кто отсиживал здесь в лагерях, и собственно говоря, они нас и представили Солженицыным. Мы стали одними из первых, кто стал на местах раздавать помощь от Фонда. Тогда мы помогали более чем 200 людям.

"Кифа": Как часто приходила эта помощь, с какой периодичностью?

В.Г. Фаст: По-разному. Если это была денежная помощь, то обычно раз в полгода. Кроме того, нам из Соединенных Штатов тогда еще были присланы два КАМАЗа с громадными контейнерами, заполненными одеждой. Ее собирали приход о. Андрея Трегубова и Солженицыны. Мы раздавали её несколько лет, хотя основную часть, может быть, половину или больше раздавали сразу где-то в первые месяцы.

Эти контейнеры шли сначала морем, из Риги вещи везли сюда, в Томск. Первый контейнер довольно хорошо пришел, а на второй здесь где-то под Новосибирском было нападение, но он выкрутился, только пару джинсов или что-то в этом роде отдал. Одежда была собрана с большой любовью. Громадные ящики, тысячи номеров ящиков с одеждой. Нужно учесть, что это были годы, когда с одеждой было очень бедно. Собственно говоря, если пройтись тогда по городу - люди, наши интеллигенты, наши преподаватели университетские шли просто ободранные, т.е. это было что-то невероятное. Одежда прислана была ношенная, но хорошая. Кроме того, были очень легкие, очень теплые одеяла, довольно много. У тех, кто их получил, они и сейчас еще служат, т.е. одежда была получена на многие годы.

"Кифа": С 92 года прошло уже 12 лет. Помощь тем людям, о которых Вы говорили, шла все это время?

В.Г. Фаст: Сейчас таких людей меньше. Дело в том, что сейчас помощь оказывается по всему бывшему Советскому Союзу. Да и люди умирают, и за счет умерших количество тех, кому мы помогаем, уменьшается. Сейчас эту помощь получают регулярно 66 человек. Это бывшие раскулаченные или дети расстрелянных, а в основном наши ГУЛАГовцы, т.е. те, кто прошли через аресты, лагеря, отсидели большие сроки. Самый большой срок сейчас - это 25 лет. Самый молодой из тех, кто получает помощь - 68-го года рождения, 7 лет отсидел, прошел пытки. Мало кому известно, что люди, которые сидели по 70 статье или по 190-й статьям, проходили пытки, так вот у нас здесь четверо человек в Асино были арестованы, один, которого потом отправили в Магадан, умер в 24 года, т.е. его до этого довели.

"Кифа": Дело было связано с самиздатом?

В.Г. Фаст: Это небольшая группа, которая в типографии, в Асино, печатала самиздатовскую литературу. Старшему было 24 года, а младшему было 15 лет. Они были наборщиками. Скорее всего, в политическом смысле какого-то особенного осознания борьбы не было, но ужасы они прошли все. Двое сейчас за рубежом, один в Соединенных Штатах, один в Германии, один у нас здесь, и один умер в Магадане на Колыме. Тот, который здесь - фактически инвалид, получает у нас помощь. Можно расписывать очень много, кто и как.

"Кифа": И до сих пор дважды в год они получают какую-то сумму?

В.Г. Фаст: Да, два раза в год. У нас те, кто отсиживал сроки, все в настоящее время получают полторы тысячи за полгода, т.е. 3 тысячи в год, а те, кто здесь на спецпоселении в ссылке были - по тысяче за полгода, т.е. 2 тысячи в год. Все они уже старые. Люди очень рады этой помощи, они хорошо понимают, что они из фонда Солженицына получают больше, чем то, что они получают, как реабилитированные от государства.

Томск, март 2004 г.

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ И ТРИ ГОДА

На III миссионерском съезде РПЦ, состоявшемся в октябре-ноябре 2002г., много говорилось о необходимости "возродить практику оглашения взрослых людей перед их Крещением", и неслучайно эти слова вошли в итоговый документ съезда. К огромному сожалению, на съезде не прозвучало выступлений, в которых говорилось бы о практическом опыте подобной работы. Может возникнуть впечатление, что такого опыта в Русской православной церкви в принципе нет, и практику подготовки взрослых людей к Крещению, насухо необходимую в современной ситуации, никто никогда не пытался возродить - даже в течение последних 15 лет, после отмены антицерковных законов.

Да, это впечатление во многом отражает нашу сегодняшнюю церковную жизнь. Но все-таки оно не вполне соответствует действительности. В церкви есть многолетний опыт возрождения полной и последовательной катехизации взрослых перед Крещением (или - для крещенных, но не воцерковленных людей - перед исповедью за всю жизнь). Этот опыт, которому посвящен центральный разворот нашего номера, связан с именем духовного попечителя Преображенского братства, ректора Свято-Филаретовского института священника Георгия Кочеткова. Мы публикуем здесь интервью с некоторыми катехизаторами и катехуменами (оглашаемыми). Материал подготовлен по итогам светлой седмицы 2004 года - недели, которую катехизаторы и оглашаемые провели в совместном паломничестве.

"Кифа": О. Георгий, Вы катехизировали с 1971 года. Получается - уже "тридцать лет и три года". А сколько групп Вы огласили за это время?

Священник Георгий Кочетков: Это очень сложно сказать. Всё зависит от того, что считать. Были ведь случаи промежуточные, когда я вёл какие-то отдельные этапы оглашения, а кто-то помогал и потом, на других этапах, поддерживал меня. Я всегда во всех группах или исповедовал за всю жизнь (с 1990 года, когда я стал священником), или вёл собеседования, или проводил и то, и другое. До последних лет я вёл практически все открытые встречи. "Начала" и "концы", переходы, т.е. самые ответственные, как мне казалось, моменты я должен был брать на себя до тех пор, пока не выросли собственные катехизаторы. Сейчас, конечно, есть серьёзные катехизаторы, которым я вполне доверяю. И то, за исключением некоторых городов, все исповеди за всю жизнь приходится принимать по-прежнему мне.

Поэтому для меня братство такое родное - потому что даже если не я вёл целиком группу, а был свой катехизатор, какие-то моменты, которые оглашаемые не очень и замечали, но с точки зрения катехизатора важнейшие, узловые, самые трудные, я находил силы проводить сам без перекладывания на других, даже на катехизаторов.

Конечно, были группы, которые я вёл полностью, с начала до конца. Это были практически все группы 70-х, 80-х годов. Потом какое-то время первый этап вёл я, а второй вели другие по плёнкам - по аудиозаписям моих бесед. Иногда это были совершенно неопытные люди, только-только воцерковившиеся. Я понимал, что они ведут довольно плохо, но как еще научить людей? Невозможно было иначе.

"Кифа": Тогда шёл такой вал, что с ним справиться было очень трудно. Я помню, что было по 10 - 15 групп одновременно.

Священник Георгий Кочетков: С середины 90-х годов это было вообще невозможно. И то исповедь за всю жизнь и в таких случаях проводил я. Для меня она была очень существенна всегда, даже если кто-нибудь мог находиться на ней не полчаса, а пять минут. И дело не в том, что я сутками безвылазно сидел с раннего утра до поздней ночи, занимаясь этими людьми, именно настраивая их на исповедь за всю жизнь. Дело даже не в этом, а в том, что собственно духовничество здесь было на самом деле реально, даже если сами люди, которые исповедовались за всю жизнь, этого не помнят и не чувствуют, и не ценят, и никаким образом не продолжают.

"Кифа": Что сейчас Вам больше всего вспоминается в связи с той Вашей группой, которая сейчас прошла Светлую седмицу, со всеми группами потока - потому что всё-таки они все с Вами связаны, действительно, они исповедовались у Вас за всю жизнь - и вообще со всей Светлой седмицей, которая сейчас была?

Священник Георгий Кочетков: Народу было столь много, что были люди, которых я почти не видел. В целом поток очень хорош. То духовное родство, о котором я говорил, безусловно было. Я считаю, очень хорошо, что две мои группы этот период провели вместе. Это группы очень непростые, они потенциально были очень конфликтны, и большая часть основных наиболее взрывоопасных моментов разрешилась именно за эту неделю. Если бы этого не было, люди бы разлетелись и разругались бы вдрызг буквально сразу после оглашения.

Очевидно было, что характер катехизаторов, конечно, отражается на оглашаемых; понятно, что у начинающих катехизаторов оглашаемые сначала были очень индивидуализированы, чувствовали себя на периферии, были очень закрыты, поэтому они практически не выступали, им очень трудно было говорить; они буквально в последние дни начали как-то раскрываться, и то только начали. Им значительно труднее было слушать, значительно труднее участвовать, они значительно менее были готовы к поездке, не случайно некоторые из них раньше времени уехали.

Очень важно, что сейчас агапы идут каждый день. И, надо сказать, даже тема агап была одной из тем, искушавших целый ряд людей, и сестёр и братьев. Но они сами это почувствовали, они пришли и сказали: "Да, невозможно судить об агапах, пока ты сам не побудеешь, не почувствуешь, не посмотришь".

Драгоценно было возрождение на Светлой седмице полноценного литургического служения, с проповедями, с чтением Писания по-русски, с нормальным синаксарием, то есть с нормальными рядовыми чтениями Деяний и Евангелия от Иоанна. Вот это я считаю принципиально важным - то, что они вошли в литургическую жизнь, что так трудно сделать сейчас в Москве. Очень важно, что они научились хоть немножко жить вместе, как-то исповедовать свою веру. За неделю произошел существенный сдвиг. Это замечательный опыт, который надо, безусловно, продолжать и развивать по самым разным направлениям. Если будет больше оглашаемых, можно и несколько раз в год такие Светлые седмицы устраивать; все зависит от количества оглашаемых, а количество оглашаемых зависит от качества оглашения.

"Кифа": А каково сейчас количество оглашаемых при Свято-Филаретовском институте и Сретенско-Преображенском братстве?

Священник Георгий Кочетков: Сейчас мы оглашаем человек пятьсот в год. Когда-то, в годы пика 90-ых годов, мы оглашали в год до тысячи человек. Правда, я считаю вместе с теми, кто не заканчивал оглашения полностью, но хотя бы проходил какую-то его часть. Этот счёт берётся по начальным цифрам, а не по конечным. Конечные примерно в два раза меньше.

ЛЮДИ ПОЧУВСТВОВАЛИ, ЧТО ЕСТЬ ДРУГАЯ СВОБОДА

"Кифа": Сколько лет Вы занимаетесь оглашением, начиная с того времени, когда были помощником?

Александр Копировский: 24-25 лет.

"Кифа": Сколько групп вы провели полностью?

Александр Копировский: Наверное, около двадцати, хотя трудно сейчас подсчитать, но много, много. Конечно, разница очень большая, потому что в тех группах, которые мы начинали когда-то вести, был еще немножко смешан первый и второй этап. И максимальной целью было человека внутри группы воцерковить по возможности, а дальше - как он сам сообразит. Сейчас мы всё больше и больше ориентируемся на общинно-братскую жизнь, и уже во время самой катехизации на первом этапе начинаются какие-то рассказы о братствах, об общинах, именно о совместной церковной жизни, не просто о совместной полупервой, как бы светской, а о совместной церковной жизни. Это настраивает вполне определённо, не отменяя, конечно, выбора, и размышления, и всяких неожиданностей - ведь человек может захотеть существовать "в свободном плавании"...

"Кифа": В конце концов, катехизация вовсе не предполагает, что всех дружными рядами ведут в общины и братства.

Александр Копировский: Нет, конечно, нет. Совершенно ясно: даже если бы кто-то и хотел "дружными рядами", то как раз в катехизации мы стараемся максимально подчеркивать, что теперь "за компанию" в Царство Небесное не въедешь и личный выбор должен быть максимальным. Но, с другой стороны, в одиночку не спасёшься. То есть какой-то антиномический момент усилился, и это как раз очень плодотворно. Дело не в том, чтобы просто сказать: вот здесь гавань, вот здесь спасательный круг, придите, обитель сотворим - нет, нет! Именно выбор, выбор пути с максимальным раскрытием того, что у тебя внутри. Но это требует очень большого труда. Самораскрытие - это не фонтан, который из тебя хлещет без труда и без науки.

"Кифа": Что, на Ваш взгляд, значит возрождение очень традиционного для Церкви, оставшегося в канонах, статьи гонимой, которая проводит всю Светлую седмицу и нововоцерковлённым и той общине, которая их принимает, вместе в храме и в научении, в церковном общении?

Александр Копировский: Я на выездной седмице в первый раз. И у меня ощущение, что это единственный сейчас для церкви путь серьёзного возрождения. Потому что когда мы стараемся что-то сделать, не отходя от своего дома, от работы, от того и сего, у нас не может быть таких плодов именно для нововоцерковлённых, какие даёт паломничество. Это единственный выход, потому что церковь себя осознаёт как церковь вполне, когда она служит не раз в неделю, а каждый день. Я специально смотрел очень пристально, не есть ли это хоть в каком-то смысле слова, "зомбирование", то, что иногда называют погружением не в хорошее, а в плохое смысле. Потому что погружение погружением, но иногда человек, погружаясь, уже перестаёт часто что-либо соображать. Я решил проверить себя и ситуацию, то есть отнестись к ней с максимальной подозрительностью. И я увидел, что люди вообще не стоят как сомнамбулы в церкви на второй или на третий день, тем более на пятый или седьмой день, а ровно наоборот. Где-то в середине происходит перелом. Первый день - это подъём и замечательное откровение - служба Пасхи, люди четыре часа и даже больше стоят на одном дыхании. Потом начинается некоторый спад, потом в разные моменты, что очень важно, начинают какие-то подъёмы, возрождения. Я думаю, это очень важно, что ни у одной из служб нет запрограммированного, запланированного результата. Всегда что-то новое, всегда что-то необычное и в нас самих, и во внешней ситуации. То кто-то приходит неожиданно, то, наоборот, кто-то уезжает.

Очень ценно, что приходили люди "незапланированные", просто обычный приходской народ, который устраивает себе каникулы, паломничество и в Светлую седмицу ходит в разные храмы каждый день. Вот одна такая милая бабушка к нам заглянула. Вначале она страшно возмущалась, увидев необычные формы, а когда с ней поговорила, она вдруг неожиданно проявила удивительную трезвость сознания. Услышав, что люди стоят с книжками и по-русски служат, потому что люди же не понимают - а это новые люди, которые пришли в церковь, она вдруг задумалась, действительно проявила церковную сознательность, сказала: "Правильно, правильно. Я приду к вам завтра". И когда в субботу она была на литургии, она пришла просто в восторг и сказала: "Я такой службы не видела никогда в жизни" - а она ходит, естественно, всю жизнь по храмам - "я к вам буду ходить еще. Я буду приезжать".

Была атмосфера радости, атмосфера Пасхи, не наигранной радости, не "Давайте же радоваться!" - нет-нет. И если человек хотел спать, пожалуйста, он мог спать. Если человек хотел включиться, то он просыпался и включался. Это не было неким давлением: всё, человека перековали, переплавили, сформировали - ничего похожего. В человеке что-то раскрылось, в каждом. Не было стандартной реакции, не было стандартных улыбок, не было стандартной экзальтации, ничего этого не было. Были трудности, и люди трезво на них смотрели, но при этом радовались. Мне всегда было важно это сохранение трезвости при значительно большей открытости. "Светскость" в худшем смысле слова облезала с людей как шелуха. Это не значит, что хорошие манеры уходили, нет - уходила этакая игривость, остроумие "в любом случае". Это знак воцерковления - когда люди другими глазами начинают смотреть на привычные вещи, в том числе и в области культуры, на Окуджаву и так далее, когда видят новые грани того, что было, а не просто "оттягиваются", вспоминая старое.

"Кифа": И последний вопрос. Что ярче всего вспоминается из этих двадцати с лишним лет?

Александр Копировский: Если я возьмусь вспоминать, надо будет печатать том. Но, может быть, вот что: одна из первых наших групп, выпущенная на Рождество 80-го года. Это был как раз выезд, мы тогда ездили к близкому нам священнику, о. Аркадию Шатову, в деревню Голоцелово - в 4,5 часах езды от Москвы, с двумя пересадками, пешком, с автобусами и так далее. Это пустое село, где не было народу, деревушка. Когда мы привезли эту группу, вечером накануне Рождества их крестили в деревенском доме, потому что в храме было холодно. Вокруг была церковь, вокруг были только верующие люди. Ничего временного, ничего случайного, в полном отчуждении, отрыве от города. Пару или тройку дней мы там провели. Я думаю, что это был какой-то прообраз нашей будущей Светлой седмицы - что нужно отрывать, отходить от мира, для того, чтобы к Богу прийти, а потом вернуться в мир. Как говорил святитель Михаил (Грибановский): "Нужно уйти от мира и опять прийти". Прийти в новом своём качестве, не от мира сего, но в мире сем. Для того, чтобы стать таким, нужно оторваться от мира как следует. Что значит оторваться от мира? Это вкусить Царство Небесное в полноте. А Царство Небесное - это общение в любви, радость в Духе Святом и трапеза, на которой все радуются и все свободны. Люди стали обретать свободу, отличающуюся от светской свободы, люди почувствовали, что есть другая свобода, что в церкви интересно. Что в церкви светло, весело, любопытно. Что начинается действительно новая жизнь. Новокрещёная мне сказала: "Ощущение полное, что я родилась, что я начинаю жить по-новому, что я сейчас что-то изучаю, как в детском саду или школе". Собственно, так и должно быть.

СВЕТЛАЯ СЕДМИЦА - ЭТО БОЛЬШОЙ ТРУД

"Кифа": Сколько лет Вы участвуете в катехизации, начиная с того времени, как Вы участвовали в ней в качестве помощника?

Дмитрий Гасак: 8 лет.

"Кифа": Сколько групп Вы сами провели, как старший катехизатор?

Дмитрий Гасак: Это первая группа.

"Кифа": Что бы Вы могли сказать о возвращении обычая проводить Светлую седмицу в церковном общении?

Дмитрий Гасак: Для меня Светлая Седмица - это всегда и большой труд, и большая духовная отдача. А эту Светлую седмицу я пережил как самый настоящий суд. Всякий катехизатор хочет, чтобы группа воцерковилась наиболее полным образом, чтобы никто не отпал. При том, что гарантировать этого никто не может, это всегда некоторое испытание: их можно вести, вести, вести, помогать, помогать, но вот наступает момент, и он, кажется, и для меня наступил, как для катехизатора, и для оглашаемых, когда нужно было "прыгать в пропасть". Я понимал, что мне нужно с ними пройти до конца, и в трудных ситуациях, и в хороших, и в добрых, т.е. в этом смысле единство должно быть наиболее полным. И мне это было очень трудно. Я так это переживал еще и оттого, что я в себе чувствовал закрытость, и открытости в оглашаемых я не мог вызвать и не мог ей способствовать. Единственное, был момент Истины на Пасху. У нас были новокрещенные два брата, и для них это было, действительно, возрождение духовное. Сейчас они все это вспоминают.

Мне кажется, очень важно, чтобы когда они видят друг друга, они понимали, что главное - то, что их соединяет и в этом смысле умели вместе и радоваться, и грустить, и молиться перед едой, и вместе ходить, ездить, и так далее. Потому, что тенденции индивидуализма, к сожалению, очень велики. Кроме того, люди не умеют общаться, концентрироваться на главном. У нас была проблема, связанная с манерой общения, когда некоторые братья друг над другом все время подшучивали, все оборачивали в шутку, и этому не было конца. Я понимал, что это для них форма общения и одновременно защиты, что по-другому они пока не умеют. И вот сейчас на Светлой седмице в большинстве случаев удалось с этим справиться. Иногда человек возрождался просто из полной отчужденности.

Мне кажется это общение - это главное. Собственно говоря, во многом, без общения и таинства-то невозможно ни совершать, ни участвовать в них полноценно.

Важно, чтобы мы не только участвовали в таинствах на уровне идеально-онтологическом, но чтобы мы понимали, что мы участвуем все вместе, что это происходит в Церкви и для Церкви. Что мы причащаемся с тем самым братом или сестрой, которые не умеют петь, или слишком все тянут на себя и т.п.

И мне кажется - это самое трудное и для меня сейчас это было труднее всего. Я даже в этом вижу явление возрождения нашего народа, когда мы просто пытаемся и сами быть людьми, и увидеть другого человека как образ и подобие Божие, как члена одного народа Божьего, и в этом смысле быть одним народом, чего мы совсем не умеем делать. Меня это очень волнует, и это, на мой взгляд, очень хорошее, важное дело.

Так что эта светлая Седмица чрезвычайно важна, как опыт общего совместного богослужения, когда христианство проявляется именно как Бого-человечество, где без веры в человека нельзя верить в Бога. И я обо всем этом думал в эту Светлую седмицу. В этом плане она у меня первая такая. Раньше - это было празднование Пасхи: Христос воскрес, и вспоминаю это, мы ликуем всю неделю, и причащаемся, и все. А здесь пришлось еще о многом думать.

МНЕ КАЗАЛОСЬ, ЧТО ЭТОГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ

"Кифа": Вы сейчас заканчиваете оглашение, которое продолжалось около полутора лет. Только что завершилась Светлая седмица после воцерковления, то есть после того момента, как все прошли исповедь за всю жизнь, некрещённые крестились, и вот после этого всю неделю все вместе вы были в храме, все вместе были на беседах. Эта традиция в церкви давно утрачена, хотя в канонах и осталась. Я бы хотела знать, что для каждого из вас эта неделя значила?

Валерий. Что я хочу сказать? Была действительно Светлая седмица, насыщенная до краёв. Не хочется говорить "благодать" - это слово слишком часто говорится. Я лучше расскажу такую историю. В определённое время моей жизни была ситуация, когда мне один священник сказал: будет время, чтобы как-то встать на ноги, даст Бог, примешь монашество. Я сказал: "Батюшка, какое монашество? Жена и трое детей". Одному из них в тот момент было полтора года. О каком монашестве может идти речь? Он на меня замахал руками: "Посмотрим, как Бог даст". Когда я открыл "В начале было Слово", и прочитал в предисловии, что оглашение - это своего рода послушничество, что ты становишься как послушник перед постригом, и потом, когда я в конце через какое-то время прочитал, что исповедь за всю жизнь сродни исповеди перед постригом, мне стало настолько, не могу сказать "не по себе", не могу сказать "странно", но настолько как-то необычно и в то же время очень понятно и просто, что передать своих чувств я не могу.

Когда я переходил на третий этап, всё проходило под ореолом этого понимания - что то, что происходит, это своего рода не просто покаяние, не просто изменение пути, потому что путь я изменил давно, но это настолько прорыв, как батюшка говорит, "вперёд и вверх", что слов здесь просто нет. Я очень хорошо помню, что я чувствовал, когда я причащался первый раз в жизни. Я ничего не знал, вернее, что-то знал, но всё было очень на уровне интуиции. Но когда я пошел к причастию, даже не сложив руки, потому что я не знал, что так нужно делать (и, к слову сказать, я после причастия сразу из храма вышел, к кресту не приложился, потому что это было очень личное чувство, оставаться среди людей, народа было тяжело в этом плане), так вот, когда запели: "Тело Христова примите", я помню даже не светлое, а какое-то сияющее состояние. И я тут же вспомнил слова, я с этими словами и шёл, как когда-то Владимиру Крестителю послы сказали: "Не помним, где мы были, на земле или на небе". И вот когда я был на Светлую седмицу на этих удивительных службах, это было то же состояние, возраставшее с каждым днем. А одна из литургий была как трамплин, хочется сказать - в Царствие Небесное. Я тогда на агапе сказал, что от избытка сердца глаголят уста, а у меня было состояние, когда от переизбытка сердца уста уже не глаголят, потому что мыслей настолько много, они настолько разные, и чувства настолько тебя пе-

реполняют, что сердце в прямом смысле слова разрывается. Я тогда сказал, что у меня такое состояние, что если я открою рот, я буду как Давид скакать перед ковчегом завета. Я очень понимаю эти слова.

И вот тоже интересный момент: во время оглашения, начиная со второго этапа, для меня Писание и Предание стали оживать. Христос превратился в человека, в живого человека, по плоти в такого же, как и я. Это парадоксально, но Он стал мне гораздо ближе, гораздо понятнее. Несмотря на то, что я раньше понимал Его, безусловно, не по-сектантски, но всё-таки не совсем так. Сейчас у меня появилась надежда, что то, что Он говорил, это всё в принципе реально, это всё написано не ради крас-

ного словца и всё оно в какой-то степени выполнимо. Вот это я почувствовал на Светлой седмице - кожей, душой, всем своим естеством. Что еще меня поразило? На литургии в какие-то момен-

ты пространство будто раздвигалось. Оно не становилось светлым, не становилось каким-то светящимся, но появлялся какой-то свет не вечерний, мягкий-мягкий, тёплый-тёплый такой. Если бы о. Георгий не говорил о том, что всю жизнь идёшь вперёд, я бы закричал: "Остановись, мгновенье, ты прекрасно!"

Что меня еще поразило - нас на Светлую седмицу никто не уговаривал поехать, нам только настоятельно советовали, не объясняя, не говоря даже ни полслова о том, что нас может там ожидать. Поскольку я могу понимать, что стоит за словами, я был готов к тому, что произойдёт что-то неожиданное, что-то очень серьёзное. Но действительность, как всегда, превзошла все ожидания. Это был переход, мне хочется верить, от веры к надежде, то есть очень серьёзное укрепление в вере и уже ступень надежды, и временами прикосновение к любви. Объяснить это сложно. Но интересно было, что с некоторыми из братьев мы чувствовали схоже, у нас были схожие чувства, независимо от нас, это я знаю совершенно точно. Мы не договаривались, мы разные по возрасту, мы во всём абсолютно разные, но были абсолютно идентичные чувства, совершенно. Тот, о ком я говорю, это поймёт очень хорошо.

Елена: Я хочу сказать, что мне дала эта поездка, и что для меня это значит, потому, что я пока нахожусь не на таком этапе, чтобы говорить в общецерковном смысле - я не считаю себя вправе на это сейчас. А вот для меня это очень много дало, но самое главное, решились те проблемы, которые стояли передо мной к третьему этапу, и на самые главные вопросы моей духовной жизни за эту неделю Светлой седмицы я получила сердцем ответ. Главный вопрос - это соотношение духовного и душевного. Умом я понимала, что за этим стоит, а в сердце этого не было. И здесь совершилось это чудо, я по-другому не могу сказать - дар Божий. Я сердцем это услышала, я это поняла сердцем - что такое духовное. Я человек музыкальный, человек искусства, у меня чувства, эмоции - они захлестывали все остальное, и это мне мешало. А теперь я, наконец, это поняла.

И еще один вопрос, одна проблема: я всегда молилась о любви с большой буквы, о любви небесной. И, может быть это слишком мое личное, но я хочу об этом сказать. Мой муж - человек верующий, но не воцерковленный, и он меня не понимает. Мне очень сложно с ним, как и многим. И в определенном момент мне казалось, что я его не так люблю или не люблю. А сейчас я еду, и у меня на сердце, мне кажется, именно та любовь к нему, которую я искала. Для меня это было главное: различить духовное и душевное, и вот эта любовь.

Я за эту Светлую седмицу почувствовала себя частичкой прекрасного целого, и все, что там было - в такой гармонии! То, что я увидела - это община, это

единение, это единое целое. Я думаю: Господи, мне казалось, что этого не может быть, но я это увидела, я это почувствовала, и у меня нет слов от радости. Это не восхищение, это чувство тихой радости и счастья. Я очень благодарна Господу, что он меня взял за руку и привел сюда, что я оказалась частичкой всего этого, я благодарна батюшке - о. Георгию и всем его помощникам.

Знаете, я работаю в детской школе искусства. Уже давно я ловлю себя на мысли, что начинаю урок не с сольфеджио, я начинаю урок с того, что начинаю приводить в нужное состояние дух детей. И они уже другие, и они смотрят на меня другими глазами, они меня не узнают. И у них другие лица становятся, и я другая. На работе говорят: Лена, ты такая светлая, такая спокойная стала.

Евгения: Помню свои ощущения от студенческих поездок, мы очень много ездили. Я постоянно пыталась найти группу, в которую хотелось бы вписаться, и все время, что в школе, что в институте, - не получалось вписываться. Люди собираются, но кто-то один - лидер, и он начинает рассказывать про то, как пили год назад, пили два года назад. Я помню очень хорошо последнюю такую встречу. Я тогда поняла, что все: я больше в этих компаниях участвовать не буду, это просто невозможно. Я туда вписываться не хочу, потому, что рассказывать об этом - просто неинтересно.

И когда мы поехали сюда... Группой мы собирались раз в две недели, а здесь уже совсем другое качество общения. Это вместе, на полу рядом, и оказалось, что не надо прилагать никаких усилий, чтобы вписываться, это твоя жизнь, это твои люди, с которыми хочется и дальше общаться, и жить вместе. И то основание, на котором мы собрались, оно совершенно другого качества. Я просто чувствую, что это то, на чем надо собираться.

Олег: Впечатление, что это именно день длиною в одну неделю - Пасхальную неделю, Светлую седмицу. Что-то проявилось, что-то не проявилось, но, по крайней мере, появился повод задуматься о себе. Нововоцерковленные из других городов дали нам пример немалого иной жизни внутри группы. И буквально тут же по горячим следам, мы уже горячо обсуждаем вопрос нашей дальнейшей жизни. До Пасхи мы об этом так не задумывались, как мы думаем сейчас об этом, и обсуждаем, самое главное. И всех очень этот вопрос волнует: как мы дальше жить будем? Братство - как форма существования жизни на земле. (Смеется)

Естественно, нас не торопят, нам говорят, что впереди еще третий этап, есть время многое осознать, понять, в молитве, в общении. Мы же теперь другими стали - за неделю просто все изменились. И на самом деле интересно: это явление временное, или это явление, которое нас уже не покинет, это те ощущения, которые нас не покинут? Сейчас, как мне кажется, основная задача - не забыть, не растерять, не расплескаться. Мы, наверное, еще не осознаем сил своих, их на самом деле намного больше, чем нам кажется.

Константин (новокрещенный): Я, конечно, рассчитаю, что Бог поможет с силами. Задача - как направить себя на какие-то высокие задачи, не размениваться на мелочи, не упираться в рутину, в быт, а к каким-то серьезным вещам двигаться, т.е. начать жить по-христиански в мире. Это самое главное. Но вопрос в том: как это осуществить, во что это должно выливаться? Вот это, наверное, самое сложное. Потому, что покаяться - это понятно, это даже естественно, признать свои ошибки, но наступать правильный путь - это, наверное, самое сложное для меня. Но я верю, что, Бог даст, все получится.

У ПОДНОЖИЯ КРЕСТА

ПИСЬМА СОЛОВЕЦКОГО УЗНИКА

Иван Стеблин-Каменский родился 26 октября 1887 г. Мать, с которой его связывали очень близкие отношения, умерла, когда ему было 14 лет. Всю последующую жизнь он жил с сознанием того, что каждый его дурной поступок может оскорбить ее светлую память.

До июня 1917 г., когда Иван Георгиевич уволился из флота по состоянию здоровья, он служил морским офицером.

Летом 1918 г. он работал в научной экспедиции, а затем в 1919-21 гг. служил помощником директора маяков Балтийского флота, одновременно исполняя должность псаломщика в Свято-Троицком храме в Петрограде.

В 1920 г. Иван Георгиевич был рукоположен в диакона. В 1921 году был впервые арестован ЧК, но после непродолжительного заключения освобожден. Летом 1923 года рукоположен в сан священника ко храму Святой Троицы на Стремянной улице; вскоре он был назначен настоятелем этого храма и возведен в сан протоиерея. Новое служение целиком захватило его. Пастве он отдавал все свое время и силы. В это время началось массовое возвращение храмов из обновленчества в патриаршую Церковь. Активизировалась жизнь приходов, и организовывались братства.

Чтобы положить этому конец, ОГПУ стало все сильнее вмешиваться в церковную жизнь, в Петрограде было

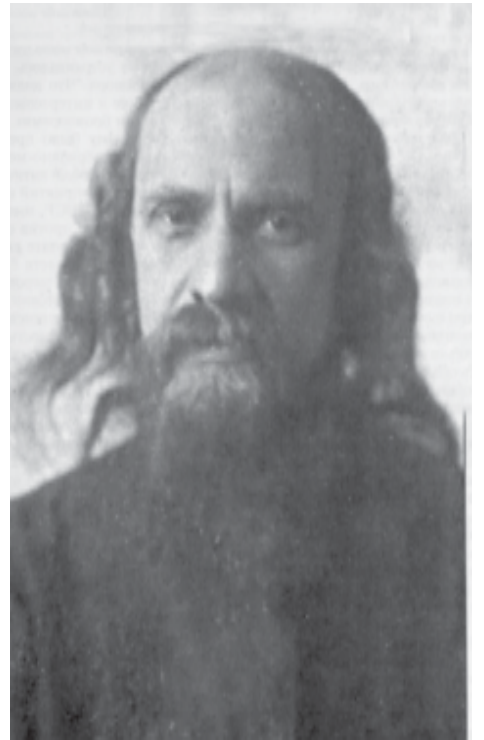
арестовано около сорока человек духовенства и мирян. Отца Иоанна обвинили в том, что он объединил вокруг себя православных и они стали собираться не только в храме, но и в квартирах, где читались акафисты, Священное Писание и священник объяснял одну или две главы из апостольских посланий. Вызванный на допрос, отец Иоанн сказал, что служил в квартирах некоторых своих прихожан молебны, после которых гости пили чай, а ожидая пока подадут, вели беседы на религиозные темы. Этого для властей оказалось достаточно: 26 сентября 1924 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило отца Иоанна к трем годам заключения в Соловецкий концлагерь. Всего к заключению в концлагерь было приговорено тридцать пять человек духовенства и мирян.

В Соловецком концлагере отец Иоанн держался независимо, всегда ходил в священнической одежде и посещал церковные службы, пока это было возможно. Из заключения он писал письма своему отцу, сестрам и духовным детям.

К концу срока заключения становилось все очевиднее, что власти не разрешат отцу Иоанну жить в Петрограде и его духовным детям придется смириться с продолжением разлуки. Так и случилось: его отправили в административную ссылку в город Воронеж, куда он прибыл в ноябре 1927 года. Здесь он

получил место священника в Алексеевской церкви бывшего Девичьего монастыря, а через некоторое время был назначен ее настоятелем и одним из благочинных епархии. Благодаря его усилиям и активной поддержке воронежскими прихожанами постоянно собирались и пересылались средства в Соловецкий концлагерь Воронежскому архиепископу Петру (Звереву) и другим находящимся в заключении православным. Одна из свидетельниц на следствии позже показывала об отце Иоанне: "Священник Иван Георгиевич Стеблин-Каменский, проживая в рабочем поселке, среди верующих пользовался громадным авторитетом, поэтому у него всегда на квартире и вообще, где он бывал, собиралось много верующих. Все бывшие "зверевцы" группировались около священника Каменского".

19 мая 1929 года отец Иоанн был арестован. 16 августа 1929 года постановлением Особого Совещания при Коллегии ОГПУ он был приговорен к заключению в Соловецкий концлагерь сроком на три года. На этот раз пребывание отца Иоанна в Соловецком концлагере было недолгим. Начальник 6-го отделения СО ОГПУ Тучков в 1930 году развернул энергичную деятельность, направленную на уничтожение церковно-священнослужителей. 23 апреля 1930 года священник Стеблин-Каменский был отправлен в Воронежское ОГПУ, а 2 августа он был расстре-

Отец Иоанн Стеблин-Каменский

лян вместе с несколькими священниками и мирянами.

По изданию "Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия" Игумена Дамаскина (Орловского) (Книга 4). Ниже приведены отрывки из писем о. Иоанна духовным детям.

"Дорогие мои, неужели вы еще не научились ежедневно читать слово Божие, неужели вы еще - не скажу не поняли, но не почувствовали, что этот духовный хлеб вам нужнее обыкновенного. Когда мне приходится читать положенные на каждый день отрывки, я думаю о всех вас и о том, какую пользу, утешение и радость каждый из вас мог бы в них получить".

"Любимые мои, что это я все чувствую скорбную нотку в ваших письмах? Правда, много скорбей у всех нас, живущих во зле и суете мира, но не поглощаются ли скорби наши верою во всё обновляющую, просвещающую и оживляющую благодать Божию? Скорбите ли вы от сознания своего недостойнства? Радуйтесь же тогда и о милости Божией, только недостойными и познаваемой. Огорчает ли вас неправда жизни? Но ведь это свидетельствует, что вы любите людей, в ней погрязших и жалеете их, а если вы любите и жалеете их, очевидно интуитивно чувствуя присутствие крупницы добра в каждом человеке, - то знаете ли вы, что Господь, всезнающий и всевидящий, не оставит погибнуть и малой доли этих крупниц, но так или иначе все доброе соединит воедино".

"Один английский проповедник дал мне мысль, что радость от слов "видите место, где лежал Господь" особенно может быть понята на кладбище. В самом деле, нисшел Господь на землю, снизошел и до могилы, на земле нося плоть человеческую и во гробе не имея ни вида, ни доброты. Место, где лежал Господь, - могила; но Его уже там нет. Предел человеческих страданий - позорная смерть - изведена Самим Господом. "Не плачьте". Вера Христова приводит нас от смерти к жизни. "Печаль ваша в радость будет..." Не предавайтесь скорби о неурядицах в церкви, Господь все устроит к радости верных. Лишь бы нам самим не перестать быть верными Истине и Любви. Да пребудет с вами Господь неотлучно."

"...Теперь только начинаю понимать, насколько неправилен обычный полулитургический подход к вере в Бога. В том-то и состоит радость нашего следования Христу, что мы не просто балованные дети Небесного Отца, получающие от Него все, что ни пожелаем. "Отец Мой доселе делает, и Аз делаю", говорит Господь; и мы "друзи" Его, если творим то, что Он нам заповедал, то есть если участвуем в Его делании. Делание же воплотившегося Господа состояло в препобеждении злобы любовью, в безропотном приятии Крестной смерти от облагодетельствованного Им народа. "Отче, отпусти им!" Но чтобы мы могли принять участие в делании Христовом, мы прежде всего должны стремиться любовью препобедить то начало злобы, которое живет в нас самих и выявляется во всех видах эгоизма. Убить в себе эгоизм или, по меньшей мере, отрешиться от него - есть первое условие для следования Христу: "Да отвержется себе". Второе условие - готовность к постоянному в земной жизни перенесению скорбей: "Да возьмет крест свой". "В мире скорбни будете". По естеству мы не сыны Божии, но создание Его и безответные рабы, по благодати же делаемся сынами Божиими, если бываем верными Его рабами..."

"Как ни кажется странно, путь проникновения в тайны бытия большею своей частью проходит не через изучение творений великих мыслителей и даже отцов Церкви, а через очищение своего сердца от греховной скверны. Мир лежит во зле и потому пребывает во лжи и не может познать Истины. Он широко отверзает двери свои всякой неправде и соблазнам, но мы - служители Христовы, через нас не должно быть входа в мир греховной злобе. Пусть через нас в объятый пламенем греха мир будет открыт путь лишь для благодатной любви Христовой, могущей угасить пламень злобы и спасти все то доброе, что страдает в этом пламени и жаждет спасения, хотя бы, духом лукавства прельщенное, уже само не ведает, откуда это спасение может прийти."

"Дорогие мои, любимые, близкие, всегда в сердце носимые, Христос воскрес! "Не плачьте Нетленного во тли". Если видите разлагающийся во грехах мир, - не огорчайтесь так, как будто с ним погибает что-либо истинно ценное. Все возвышенное, все истинное, все, чем дышит всякая богобоязненная душа, - нетленно и "уже не умирает". Христос воскрес, сделав всякую скорбь проходящею, Христос воскрес - страшный призраок смерти рассеивается, "яко тает воск от лица огня". Христос воскрес - тайна Божия, тайна бытия пленяет человеческого разум, и вся высшая премудрость его преклоняется перед невероятною Истиною. "Бог идеже хошет, побеждается естества чин". Христос воскрес! Есть ли еще место для уныния в каких-либо обстоятельствах? Христос воскрес, и при неприступном свете Его воскресения кажутся такими жалкими все наши страхи и волнения о временном, часто минутном благополучии. Христос воскрес! Светло и радостно на душе, и нет ничего, что в дальнейшей земной жизни могло бы нас смутить. Христос воскрес - людие веселитесь! ...Христос воскрес! "Вси насладитесь". Как много в этот день уже даже отошедших от веры заражаются весельем верующих; многие из них сами бессознательно озаряются светом Христова Воскресения и со светлым праздничным радостным лицом участвуют в нашем ликовании, исполняясь любовью. Милостью Божией, как и в прошлом году, я встретил праздник, удостоившись участия в служении Светлой утрени и обедни. Читал 1-ю часть Евангелия по-французски. Домой пришел около шести часов. В момент Великого входа алтарь уже осветился косыми лучами только что восшедшего солнца."

"Нет сомнения, что время до конца моего срока пролетит незаметно. Меня заботит теперь только желание, чтобы Господь укрепил всех вас в совершенной покорности Его святой воле и твердой вере в благодать Его Промысла о нас, дабы, если Ему угодно будет послать мне вместо возвращения к вам -

новое испытание, никто из вас из-за меня ни словом, ни мыслью не нарушил бы верности Господу и не омрачил бы своего сознания предположением, будто с нами может случиться и нечто такое, чего не помыслил и не пожелал Всеблагий Промыслитель, любящий нас Отец Небесный. Горе человеку, который считает свою судьбу зависящей от злой воли или случайных ошибок людей. Воистину верующему человеку все содействует на пользу. Благополучные обстоятельства вызывают в нем беспредельную благодарность Господу, подающему нам, грешным, Свои милости, в то время как Сам Он взял на Себя наши язвы и тяготы; испытания же, при всей их тяжести, являются для несущих их источником радостного сознания себя соработниками и верными воинами Христовыми. Неверующим, наоборот, и благополучие и испытания чаще всего бывают губительными: первое развращает, а последние доводят до отчаяния..."

"Христос воскрес! Воскресла жизнь, умерла, потеряла свою силу, свое жало смерть. Самое ужасное состояние человеческой души - отчаяние - уже не имеет под собой основания, потому что уничтожен ужас жизни - сознание неотвратимости и непоправимости смерти, сознание безнадежности борьбы с нею. Вечна не смерть, а - жизнь; вечно не ничто, а бытие. Все, что носит в себе зародыш Жизни, зародыш Любви, зародыш Истины, - не может уничтожиться. Утверждается бесконечность Жизни, утверждается конечность смерти. Ибо при выявлении Истины - пострадает, уничтожится ложь... Ибо при выявлении полноты Любви, растает, уничтожится всякое зло... Много радостных мыслей изливается сегодня из моей души, но все они - ничто по сравнению с тем богатством радости, которым исполнено сердце человека, верующего в Воскресение Христово."

Что страшливы есте, маловеры? Воскрес Христос, и да будет радость Его Воскресения от нас неотъемлема".

Материал подготовлен
Ириной ВОЛКОВОЙ

МОЯ ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С АВЕРИНЦЕВЫМ

После чтения некоторых статей и присутствия на знаменитых византийских лекциях (собственно, много раньше: после первого же прочитанного мной текста СС в стенной газете Филфака, в первый месяц после поступления в Университет, если я верно помню: там, в стенной газете "Филолог" были помещены фрагменты "Похвального слова филологии"), я поняла: вот человек, у которого нужно учиться - всему: темам, знаниям, слогу - всему, всему. Даже среди "великих" (в моем случае, это были Лев Толстой, Платон ранних диалогов) я не знала такого, с кем была заранее совершенно единомышленна. Некоторое время таким мне казался о. Павел Флоренский. Но - не умея ничего разобрать в его богословии, я все же различала стиль: и стиль писем "Другу" в "Столпе" (и сейчас вспоминаю с тошнотой) оттолкнул меня от всего Флоренского. Да, у меня с детства был единственный параметр ориентации: красиво-некрасиво. У Аверинцева в мысли все было для меня красиво. Итак, Проводник.

Через много лет я рассказывала СС (в Риме, помнится), что мое юное отношение к нему выражала строка Пастернака о Скрябине:

О куда мне бежать от шагов моего божества!

СС не без удовольствия усмехнулся и сказал: "Ох, Борис Леонидович!"

Потом и он "вспомнил" меня на лекциях 20 лет назад: "Ведь Вы сидели там-то?" - это было точно, там-то. "Я помню Ваш взгляд, он мне помогал". Никто теперь не выяснит, я ему помогла или какая-то другая студентка с запоминающимся взглядом (тогда было много людей с необыденными глазами: теперь их почти не видно). Но как Бог щедр! С этим божеством, пространным соседством, с которым я не могла бы вообразить тогда, мы уже почти просто встречались последние 10 лет и я слышала, как он читает мои стихи наизусть - "Лучше, чем Вы, - говорил он, - Вы прячете в чтении самые красивые места, а я даю их услышать". Правда.

Тем не менее, и в те баснословные года, как БЛ не бежал от Скрябина, а послал ему свою музыку, так и я отправила СС по почте несколько тогдашних стихов. Можно было бы воспользоваться посредничеством общих знакомых, но мне хотелось так. Никому ни до, ни после я первой своих сочинений не предлагала.

Ответ пришел очень скоро и был простой учтивостью. Весь его смысл был в том, что СС не знает, "как ко мне обращаться и как называть меня", поскольку

ку я не указала своего отчества. А обращаться "Дорогая Ольга!" слишком грубо на языке стихов - и не помню что слишком, кажется, бесцеремонно на языке людей. Было там сказано "потому что Вы - это стихи", но это было не более, а каким-то радостным почерком. Старинным? Все хорошее мы тогда называли старинным: принадлежащим тем временам, когда у человека еще не был перебит хребет. Когда он кланялся, приподняв шляпу, перед знакомой дамой и спрашивал при встрече о здоровье домашних.

Я вынула письмо из почтового ящика, когда мы поднимались на мой шестой этаж с Веничкой Ерофеевым и его спутниками - выпить, естественно. Ах, да, я забыла: не Толстой, не Платон, не Флоренский - Веничка в это время был для меня Учителем Жизни и его лозунг "все должно идти медленно и неправильно" или, перевода на другой язык, "мы будем гибнуть откровенно" я считала единственно честной программой на будущее в окружающих нас обстоятельствах. Будем плевать снизу на общественную лестницу, на каждую ее ступеньку отдельно. Веничка был несопоставимо умнее - и даже учнее - меня. Он тоже читал Аверинцева чрезвычайно и говорил, что Аверинцев - единственный умный человек в России. "за некоторыми вычетами".

"Какими?"
"Девушки в него не влюбятся!", отвечал Веничка и был неправ. И девушки влюблялись - но, конечно, те, с необыденным взглядом, которых Веничка за девушек не держал. И так, мы сидели за столом на кухне, открывая портвейн и шутя - главное дело в этой компании было шутить до упаду (как-то я сказала, что этот наш смех - как будто русалка щекошет и защекошет насмерть - Веничка на миг посерьезнел), и я раскрыла конверт.

Каково было действие этих несодержательных, вынужденных строк воспитанного человека? Подняв глаза от очень белого листка со стройными черными буквами (синие чернила были привычнее, а я в то время любила фиолетовые, как в школе), я увидела - слово "показалось" здесь не подходит - я увидела, что стол с моими событьниками физически отодвигается, как будто остается на берегу, а я отплываю от этого берега. Медленно. Но расстояние уже растет.

И в самом деле: на этом берегу я никогда больше не бывала, при том что и встречи и попойки еще продолжались, но

На устах забытый стих
Недочитанный затих,
Дух далече отлетает.

Меня окликнула в этих 10 строчках этого церемонного письма ни о чем совсем другая, бодрая, разумная жизнь. Здесь, на берегу пропадания делать мне больше было нечего. Может быть, Аверинцев просто ненароком спас меня, кто знает.

Через некоторое время, недолгое - было начало лета - мы встретились. В единственном тогда на всю Москву магазине букинистической книги на иностранных языках на улице Качалова. Наверну, на недосыгаемой верхней полке я заметила большой том с надписью Petrarca на корешке.

Найти книгу Петрарки в то

время было не шуткой. У меня сохранился до сих пор Sanzoniere, переписанный от руки. Есть такие же переписанные в те времена от руки Four Quartets. Есть даже Овидий. - Почему от руки, в не на машинке? Потому что это делалось в читальном зале. Домой такие книги - даже чужие - не забредали. Memento, viator!

Можно вообразить, с какой жадностью, не отрывая глаз от вожделенного тома, я стала приставлять лесенку к стеллажу. Но что-то не получалось. Она не ставилась. Наконец, продавщица сказала: "Сергей Сергеевич, Вы не даёте девушке приставить лестницу!" Так обнаружилось, что все это время, глядя вверх, я пыталась прислонить лестницу к Аверинцеву, а он стоял у книжной стены и был погружен в свою книжку, с нижней немецкой полки. Поняв, что происходит, оценив меру конфуза, я готова была забыть про Петрарку и бежать, как будто меня здесь не было. Но СС, не отрываясь от своих страниц, послушный продавщице, любезно отступил влево, и я, уже без первой жадности, из одного приличия, забралась по лесенке. Что же, мой том оказался сборником исследований о Петрарке, вещь совсем не нужной. Я вышла на улицу. Конфуз. Но возможность поговорить с живым Аверинцевым была слишком соблазнительна. Я вернулась в магазин. СС откладывал свою книжку - тоже, видимо, не ту, не нужную. Предыдущего эпизода он просто не заметил. Я представила.

"Да, я ведь Вам писал".
Мы вышли из магазина. СС отошел на шаг в сторону, посмотрел меня, внимательно, спокойно, как некоторое изделие, и сказал:

"Все правильно. Да, я так и думал..."

Еще раз поглядел.
"Да, и платье (конечно, из-за всего того конфуза я не забуду это летнее платье, давно растворившееся в природе, - широкие черно-белые полосы какими-то зигзагами; я бы сказала, что в этой ткани что-то было как раз чрезвычайно неправильно: эта рябь создавала мерцающие ложные перспективы, наподобие графических трюков Эшера; но шито оно было хорошо), да, все правильно, и бусы. Они кажутся археологическими. Откуда берут такие бусы?"

Это были черные глиняные, тяжелые, очень крупные бусины, лепная обливная керамика - в самом деле, как будто из древних раскопок.

"Их сделал мой муж, он художник и керамист".

"А... - без интереса. - А можно их разглядеть получше?"

Я сняла бусы, он долго их рассматривал (каждая бусина была со своим выдавленным знаком наподобие некоего предидерогида, кобальдового, охряного, темно-темно карминного) и опять подвинул:

"Правильно. Куда Вы идёте?"

"К метро".

"Я тоже. А Вы знаете, где здесь метро?"

Мы пошли какой-то странной дорогой. О, как тяжело. Нет, лучше вовремя бежать от божества: что ему сказать? СС шел, думая, видимо, о своем и вдруг решительно поворачивая - то направо, то налево, срезая углы. К какому метро мы идем? Не к Пресне, не к Охотному ряду. Куда же еще?

Я, ища поводов для разговора и зная, что ему недавно пе-

редавали машинопись "Москвы - Петушков" (слава этого сочинения в то время расползлась, как огонь по сухой траве, и уже достигла элиты), спросила его о впечатлении.

"Я в этом ничего не понимаю".

"В чем?"
Я могла предположить: в жизни такого рода.

"В прозе. Я читаю главным образом стихи. Но расскажите мне о нем. Как он живет..."

"Так, как там написано".

"Да? Зачем же такое удвоение? Я всегда думал: или жить, или писать. Помните, у Томаса Манна..."

Я не знала, что ответить.

Через много лет, в Париже, вернувшись из Арля, где я провела месяц в Центре переводчиков, я рассказывала СС, как французы между собой (я подслушала) говорили обо мне: "Mais trop timide. Gentile, oui, mais trop timide." - СС сказал: "Это я trop timide". И сказал, что более робкого по природе человека, чем он, трудно найти. Это подтверждают те, кто знал его в юности. Но к моменту нашего блуждания в окрестностях улицы Качалова стороной, страдающей от непомерной робости, была, несомненно, я. СС был к этому времени властитель дум и привык уже к общему обожанию. Даже продавщица глядела на него с материнской нежностью: Сергей Сергеевич!

Итак, я не знала, что сказать. "НО!" - помните эту аверинцевскую интонацию?

"НО!... С ним должно что-то случиться. С ним случается что-то?"

"Нет, грустно ответила я, не случается".

"Но почему?"

"Человек стоит вот так, - он развел и опустил руки, - все брошено, все разрушено, вокруг ничего, один сор..." -

- и тут я увидела, что мы стоим посреди городской помойки! Как мы туда попали, я не заметила (мы шли, как я говорила, странным путем, дворами, закоулками - напрямую "к метро", местоположение которого было теперь неизвестно ни ему, ни мне) : но как будто мы шли к этой цели, к этим декорациям, на фоне которых СС показал героя и автора Петушков с понухой головой, разведенными и опущенными руками среди замусоренной земли. Waste Land в центре Москвы.

"Ничего. В таком случае с человеком что-то должно случиться. А Вы говорите: не случается. Почему же?"

Он смотрел на меня требовательно, как будто это я должна отвечать за то, что "не случается".

Я стала оглядываться по сторонам: как сбежать. Когда СС третий, видимо, раз повторил:

"Но почему же?"

мы уже вышли с помойки на обычную улицу - и я увидела автобус, неизвестно какого номера: но вот он, выход.

"Извините, это мой, я побегу!" - придумала я. Это не прервало задумчивости СС.

"Да-да".
Уже из автобуса, в дверь я сказала:

"Еще случится, случится!"

Я знала, что, скорее всего, нет, не случится - но нужно же было закончить этот мучительный разговор!

Ольга СЕДАКОВА

В МОСКВЕ СОВЕРШЕНО ОТПЕВАНИЕ И ПОГРЕБЕНИЕ СЕРГЕЯ СЕРГЕЕВИЧА АВЕРИНЦЕВА

21 апреля в храме Успения на Успенском вражке было совершено отпевание академика Сергея Сергеевича Аверинцева.

То, что это событие случилось в дни продолжающегося празднования Воскресения Христова, глубоко символично. Ушедший в Прощения воскресенья и отпетый через десять дней после Пасхи, Аверинцев объединил в этой молитве людей, которых обычно трудно представить вместе.

И, как в нем самом соединились выдающийся ученый-филолог, академик с мировым именем и член Преображенского братства, в самом этом событии совместились и глубокая общественная значимость (неслучайно на него сразу откликнулись различные общественные и церковные информационные) и глубокая, основанная на подлинном духовном родстве церковность.

В отпевании, которое совершили друг и духовник Сергея Сергеевича Аверинцева священник Георгий Кочетков и настоятель храма священник Владимир Лапшин, участвовали родственники покойного и члены братства. Среди молящихся были также священник Георгий Чистяков, протоиерей Валентин Асмус, редактор издательства ИМКА-Пресс Никита Струве, поэт и переводчик Ольга Седакова, студенты и преподаватели МГУ и РГГУ, сотрудники ИМЛИ, Академии наук и других научных и культурных организаций. Во время богослужения, которое сопровождалось пением хора Свято-Филаретовского института и совершалось на греческом, славянском и русском языках, стихиры Иоанна Дамаскина, пятидесятый и девяностый псалмы были прочитаны в переводе Аверинцева. После чтения Евангелия священник Георгий Кочетков сказал краткое слово.

27 апреля в храме Сошествия Св. Духа на Даниловском кладбище была совершена панихида по Сергею Сергеевичу Аверинцеву. По благословению Святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексия II на ней сослужил священник Георгий Кочетков. После панихиды было совершено погребение урны с прахом великого ученого. В молитве участвовали родные и близкие покойного.

ЕВХАРИСТИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ НАЧАЛОСЬ НЕ СЕГОДНЯ

Интервью архиепископа Томского и Асиновского Ростислава

начало на стр. 1

«Кифа»: Одним из ярких проявлений восприятия опыта эмиграции в современной церковной жизни России является некоторое начало евхаристического возрождения, потому что то, о чем говорили в своих трудах о. Николай Афанасьев, о. Александр Шмеман, начинает понемногу реализовываться в жизни разных епархий. Но тем не менее очень часто бывает, что забывается их основная мысль - что само по себе частое причащение никак не решает проблему, потому что если люди не начинают воспринимать литургию как общее дело, если нет ответственности друг за друга, общинности, то евхаристического возрождения не произойдет. Скажите, какие-то усилия в эту сторону предпринимаются в Томской епархии?

Архиепископ Ростислав: Евхаристическое возрождение началось не сегодня. Оно началось еще, может быть, в 1970-е - 1980-е гг. Эти тенденции носили тогда частный характер. Скажем, я помню отдельные московские приходы, например, храм Николы в Кузнецях, который в свое время был образцом этой тенденции евхаристического возрождения у нас в стране. Какие-то подобные положительные тенденции можно было наблюдать благодаря усилиям монашествующей братии, в частности подмосковной. Часто, когда я приезжал, еще в школьные годы, в Троице-Сергиеву Лавру и общался с многими духовниками, с монахами Троице-Сергиевой Лавры, они преподавали советы, которые были совершенно не в духе общецерковной жизни того времени. Если на большинстве приходов считалось, что достаточно причаститься один-два раза в год или по крайней мере каждый пост по одному разу, и этого достаточно, (не говоря уже ни о какой общинности, о жизни в Евхаристии и речи быть не могло!), то как раз монашествующие четко понимали необходимость именно евхаристического возрождения в нашей жизни. Конечно, сама по себе частота или редкость причащения не может быть каким-то показателем евхаристического возрождения. Потому что жизнь в Евхаристии и Евхаристия - это нечто большее. Поэтому здесь еще много и много предстоит сделать. И каждому, поработав над самим собой, ну и, наверное, что-то надлежит сделать и церковной иерархии, духовенству.

С каждым годом возрастает понимание, осознание важности подлинного евхаристического возрождения. Хотя здесь есть, наверное, и какие-то крайности и опасности, как в одну, так и в другую сторону. С одной стороны, когда само по себе частое причащение уже воспринимается как нечто само по себе положительное, а с другой стороны - когда от частого причащения без соответствующего внутреннего настроения начинается какое-то недостаточно благоговейное отношение к святыне, Святым тайнам. Поэтому здесь следует много и много еще потрудиться. Наверное, должны свое слово сказать и богословы, потому что когда эта традиция находит свое выражение в творениях богословов, это находит должный отклик в сердцах простых людей. Я, в частности, сейчас имею в виду известные произведения о. Александра Шмемана, скажем его "Евхаристию". Казалось бы, небольшая книжечка, ну никаких особенных научных открытий и изысканий там нет, там все общеизвестное. Но там выражено отношение к Евхаристии действительно верующего, глубоко церковного человека, и эта книга помогает понять, почувствовать Евхаристию, найти свое место. Поэтому я думаю, что здесь важно не только какое-то личное осознание важности евхаристической жизни каждым отдельным человеком, но важно и то, чтобы и в наше время появлялись мыслители, которые бы и сказали свое слово, принесли плоды этого опыта.

СОХРАНИТЬ ЕДИНСТВО В СВОБОДЕ

Вопрос об изменяемости канонов в дискуссии о каноническом предании начала XX в.

В начале XX века одним из самых последовательных защитников идеи неизменности канонов был митрополит Антоний (Храповицкий). Известны его докладные записки Правительствующему Синоду, особенно первая, в которой он подвергает резкой критике сторонников изменяемости канонов (а равно и участия в предстоящем соборе клириков и мирян). Изменение канонов на предполагаемом Поместном соборе будет, по его мнению, человеческим посягательством на богоустроенный строй христианства, потому что каноны богодухновенны: "Собор нужен для восстановления не человеческого, а Духом Святым установленных, вечных и неизменных канонов Церкви".

Рассуждения митрополита Антония заставляют вспомнить старинный спор католических и протестантских богословов и канонистов о характере канонического права. Как известно, Лютер запретил даже читать тексты церковного права, т.к. они относятся к "праву человеческому", а не "божественному". Единственным источником божественного (что подразумевало, неизменного и обязательного) права реформация объявила Священное писание. Писание считали богодухновенным, а тексты канонического права - нет.

Представляется, что митрополит Антоний, формулируя, в своем понимании, истинно православное учение о канонах, находится в рамках той же средневековой западной схемы *jus divinum* - *jus humanum*, просто сдвигает планку, распространяя на предписание церковной дисциплины понятия "божественного права", богодухновенности и вечности. (Исчерпывающую критику этой схемы, которая противоречит откровению о единой, неразделенной, богочеловеческой природе Церкви, содержит статья Н. Афанась-

нии этого, не думает отрицать богодухновенность Ветхого завета. Также можно заключить о канонической деятельности соборов вселенских".

Когда реформация объявила каноническое право всецело человеческим установлением, она отвращалась от практики Западной церкви. (Характерно, что речь шла о западных текстах канонического права, которое периодически подвергалось в процессе кодификации изменениям и дополнениям, включало декреты, конкордаты и т.п.). Когда митрополит Антоний настаивает на том, что каноническое право является всецело божественным установлением, можно понять его раздражение реформаторским настроем некоторых участников дискуссии. Но это отталкивание от модернизма, к сожалению, не делает позицию принципиальной неизменности канонов ближе к действительно православному пониманию канонического предания.

Ответить митрополиту Антонию (Храповицкому) взялся Н.П. Аксаков. Открытая полемика развернулась на страницах Богословского вестника за 1906 г.

Аксаков также заявляет себя сторонником неизменности канонов, но в более глубоком смысле. Он утверждает, что "каноны не нарождались и не возникали в истории, но существовали в зачатках ее, как присущие ей и руководившие" (См.: Что говорят каноны о составе соборов. Ц. Голос. 1906. № 12. С. 361). Не история создавала каноны, но каноны создавали церковную историю. Вселенские соборы, полагает Аксаков, не создавали нового канонического предания, а возвращали "церковную жизнь к руслу ее и истоку". Канонический строй существовал в церкви изначально, существовал всегда, соборы же вызываются обстоятельствами времени в связи с временными явлениями, "а потому, когда можно, они исправляют недостатки времени указанием на пренебреженный, несоблюденный, но сохраняющий вечное, обязательное значение канон или исконный обычай, а когда этого нельзя, постановляют определения по частным случаям, не являющиеся повторениями канонов, но и не отменяющие их и даже не видоизменяющие" (См. Об избрании епископов... С. 135).

Соборы не могут учреждать каноны, не могут законодательствовать и управлять Церковью. "Соборы суть органы Церкви, а не ее законодатели", - Аксаков приходит к этому выводу, исходя не из политико-правовых представлений о законодательных органах, а исходя из учения о Церкви как о едином организме - Теле Христовом, т.е. пребывая собственно на экклезиологической почве. Эта мысль получила замечательное развитие у прот. Николая Афанасьева, который писал в книге "Церковь Духа Святого", что законодательствовать в Церкви и управлять Церковью (т.е. над Церковью) все равно, что указывать законы Самому Христу.

Таков, по мнению Аксакова, православный взгляд на каноническое предание. На Западе же, считает он, отношение к каноническому преданию было искажено. В средние века произошла реформа, намеренно осуществленная самой церковью, "которая приписала себе право не только хранить предание, но и толковать его, придала себе власть отменять предание и видоизменять его в силу присущей ей якобы законодательной власти" (См.: Об избрании епископов... С. 169). В этом искажении проявился тот "человеческий" юризм, отвергая который, Лютер отвергнет потом и само каноническое предание.

Отвечая митрополиту Антонию (Храповицкому) Аксаков пишет о том, что многовековое применение к Церкви строя понятий, относящихся к внешнему государственному управле-

нию, привело к разделению ее членов на "управляющих" и "управляемых", которые отстранены от церковного домостроительства. Между тем, "Церковь как Тело Христово, создается, творится и определяется совокупной деятельностью всех ее членов" (См.: Всецерковный Собор и выборное начало в церкви. БВ. 1906. Т.3. С. 716). Участие мирян в предстоящем соборе продик-

Николай Петрович Аксаков

товано не соображениями "демократической справедливости", но истинно церковной необходимостью "воссоздать единство разрозненного", преодолеть разделения в церковном организме.

В конце концов, одной из главных задач канонического предания всегда было поддержание единства в свободе. Свобода, по мнению Аксакова, является одним из главных канонических принципов. "В канонах, - говорил он на открытии заседания Предсоборного Присутствия, - обеспечение свободы Церкви и свободы верующего, а потому и отступление от них справедливо почитает II вселенский собор "посягательством на свободу всех", грозящим нам "неприметно утратой той свободы, которую даровал нам Кровью Своею Иисус Христос - Освободитель всех человеков" (См.: Начало нового периода истории русской Церкви [Хроника церковно-общественной жизни Предсоборного Присутствия] // Ц. Голос. 1906. № 11). В то же время, посягательство на свободу церковного народа является посягательством на канонический строй: "придавленный в Византии народ... не мог быть свободным и в Церкви". (Это можно было бы сказать и о Российской империи). А с отнятием у народа его прав и обязанностей "искажился и весь организм церковный, если и сохранился в неприкосновенности обреченный на неправоление, но ищущий проявления, его дух..." (См.: Об избрании епископов... С. 170).

Во втором номере "Церковного голоса" за 1906 г. была помещена редакционная статья "Навстречу Собору Русской Церкви", в написании которой участвовал Н.П. Аксаков. В ней ставится проблема соборного канонического творчества, чуждого произвольному реформаторству. Его задача заключается в том, чтобы сохранить верность каноническому преданию, которое выражено в духе деятельности тех эпох церковной истории, которые проявляли полноту соборной жизни. "Образцом, правилом (канон), внутренним законом этой деятельности была свобода". Мы исповедуем, что Церковь это Тело Христово, а живые тела остаются едиными, только если сохраняют верность "своему внутреннему закону движения".

Ирина БОРИЩ
Из доклада, прочитанного на «Сретенских чтениях» в СФИ в 2004 г.

Антоний (Храповицкий), в те годы - архиепископ Вольнский. Нач. XX века

ева "Вечное и изменяемое в канонах")

Прямое свидетельство в пользу богодухновенности канонов - свидетельство св. отцов об их соборной деятельности как вообще богодухновенной. Но, между тем, богодухновенность не подразумевает автоматически и неизменность. Интересное рассуждение на эту тему содержится в работе профессора Казанской духовной академии П.П. Пономарева (Пономарев П.П. Священное предание как источник христианского ведения. Казань, 1902). Ветхий завет, писал он, в своем обрядовом законе также был упразднен, "и никто из правомыслящих на основа-

ШИТЬ ДЛЯ ЦЕРКВИ

О возрождении лицевого шитья рассказывает руководитель мастерской памяти преп. Софии Слуцкой

Более 15 лет назад (с конца 1980-х гг) возродилось одно из самых традиционных на Руси служений женщин в Церкви - шитье богослужебных облачений и золотное - иконное - лицевое шитье, о котором А.В. Силкин, исследователь древнерусского шитья писал в 1992 году: "... лицевое шитье слишком тесно было связано со средневековым мировоззрением и, что важно, укладом семьи. Вот почему, если иконопись, отойдя на второй план, продолжала жить в рамках традиционной эстетики, подпитываясь академическим искусством, история лицевого шитья, несмотря на позднейшие попытки возродить его, закончилась в начале XVIII века". История развития богослужебных облачений и повседневных одежд священнослужителей также застывает в формах XVII века, что обсуждалось на Поместном соборе 1917-1918 гг.

Шитье - кропотливая работа, требующая терпения, спокойствия, собранности. Выработка вышивальщицы в день - 3 см\кв, домонгольские золотные швы на проем требуют еще больше времени. В облачениях повторяются сложные, пышные одежды византийских императоров. Поэтому как создание лицевых иконных образов в шитой технике, так и изготовление одежд для богослужения предполагают не индивидуальное делание, а общее делание - работу мастерской. Средневековый уклад семьи на Руси сказывался, в частности, в том что в Русской православной церкви до XVIII века женщины-миряне практически не участвовали ни в дьяконических служениях, ни в богослужении - не читали и не пели в храмах. Шитье для церкви и подвиги личного благочестия давали единственную возможность войти в литургическую жизнь своего времени, принести благодарение и молитву. Мастерские играли роль собраний и просвещения для женщин, особенно из мирян, в них учились "пению, швению, и чтению Священного Писания..."

Рубеж XX-XXI вв. как бы опровергает приведенное выше высказывание. За 90-е годы XX века в России открывается более 15 золотошвейных мастерских, появляются одиночные мастерицы, подробно изучаются швы, техники исполнения древнерусских шитых произведений. В отличие от иконописи и храмового строительства на художественное церковное шитье не было социального заказа. Занимаются шитьем практически безвозмездно. Возрождение шитья свидетельствует о подлинном интересе к жизни

Церкви, ко всем ее традициям, свидетельствует о желании вновь вошедших в Церковь людей служить Богу и собираться в едином духе ради служения. Интерес вышивальщиц открывает новые возможности для исследователей-искусствоведов. В Москве, Санкт-Петербурге, в других городах проходят выставки, семинары, конференции, посвященные открытиям, исследованиям и проблемам как древнерусского, так и современного церковного декоративного и лицевого шитья. Если первые из них свидетельствовали о радости узнавания забытого вида богослужебного искусства, то семинары и выставки последних лет говорят о поиске целостного художественного образа, о постановке вопроса истории развития шитья, о связи облачений и шитых образов с богослужением, о роли мастериц в церковном просвещении.

За 15 лет мастерские освоили почти все техники, которыми шили мастерицы с XI по XVII века. На семинарах мы видим подражания и домонгольским шитым пеленам, плащаницы, воздушные шитье под XV, XVI, XVII вв. в стиле мастериц княгини Евфросины Старицкой, семьи Годуновых, именитых людей Строгановых, тяжелые, украшенные под XVII-XVIII века оплечья фелоней.

На сегодняшний день можно говорить о том, что намечилось два пути (два типа) обучения в золотошвейных мастерских.

Один путь - образование, подобное образованию реставраторов, когда точное следование музейным образцам в технике приближает вышивальщицу к научно-исследовательской работе в области древнерусского искусства. Не случайно лучшие выпускники таких мастерских становятся музейными хранителями тканей в Музеях Московского Кремля и других музеях Москвы. Не случайно и то, что идеалом для копирования считается не только собственный произведение, но и недостижимый средневековый уклад жизни на Руси.

Другой путь - образование, научающее церковному служению, когда ставится задача вхождения в область церковного искусства, понимание целостной церковной жизни как основы церковной культуры. Это образование предполагает предварительную катехизацию, научение основам христианской веры и жизни, а затем базовое богословское образование, чтобы было понятно и понятно место церковного искусства в христианской жизни. Чтобы сама христианская жизнь была такова, что рождала бы

искусство, потребность выразить ее во вне - во внешней форме. При таком отношении к церковному служению самые простые работы, как пошив крестильных рубашек становится церковно значимым действием - участием в просвещении оглашаемых. (Пример такого участия: украшение рубашек галунами по подобию богослужебных облачений - знак реального вхождения новопросвещенных в "Народ святой, избранное священство" и призыв к будущему служению). Теоретические работы этих мастериц, как подготовка к созданию шитых иконных образов, рассматривают художественные произведения выполненные в разных техниках, в разные эпохи византийской, русской культуры, а также раннехристианского, западноевропейского и современного искусства. Т.е. ставится задача - увидеть современный художественный процесс в контексте истории и традиции христианской Церкви и в контексте Священного Писания. Здесь есть место точному копированию, но лишь на время ученичества.

Нужно сказать, что проблема копирования и стилизации под старинные образцы стала одной из самых актуальных на сегодняшний день. Конечно, нужно знать, изучать и понимать то, что было создано ранее. Но можно ли на подражании останавливаться? В случае останки могут повторяться "казусы" ремесла, как это произошло с вышитым Сретением монастырем к празднованию 2000-летия христианства саккосом патриарха. Точная виртуозно выполненная копия саккоса митрополита Фотия XV века, он оказался чрезмерно роскошным, слишком дорогим в исполнении и буквально тяжеловесным. После нескольких богослужений он был передан на хранение в музей Московского Кремля, стал выставочным, музейным экспонатом. Однако в единственной пока научной работе о современном лицевом шитье исследовательница отказывается рассматривать его в ряду шитых произведений, как раз в связи с проблемой слишком буквального следования образцу. Вновь и вновь возникают вопросы. Не перерастет ли ученическое изучение древних музейных памятников в твердое правило жизни, уже не только художественной, но и духовной? Не есть ли это попытка искусственно воспроизвести стиль жизни прошлых веков? Или прикасаясь к мировоззрению церковных людей средневековья, мы хотим прикоснуться к Тайне жизни Церкви, увидеть как Дух творит себе формы, а не наоборот? На мой взгляд, основная проблема стилизации заключается в том, что мы пытаемся что либо жестко утверждать в те времена, которые даны нам на постановку вопросов.

Когда мы входим в область церковной культуры, даже с таким скромным деланием, как богослужебное шитье, хорошо нам услышать слова Христа Яннара: "... как можем мы говорить о православной католической Церкви, если эта Церковь не порождает новой культуры?... Это невозможно, сегодня мы не имеем культурного проявления даже в наших литургических потребностях. Мы делаем копии прошлого. Конечно, это прошлое является свидетельством церковного опыта. Но если люди создают лишь копии, если они имитируют прошлое, они не порождают жизнь. Они останавливаются на подражании, удовлетворяясь верностью букве прошедшего". Как бы продолжением размышлений Христа Яннара прочитываются слова современного поэта: "...по моему мнению, в искусстве бывают такие времена, когда продумывание самых его основ становится совершенно необходимым. Без этого сочинительство превращается в какую-то фабрику производящую негодные, заранее устаревшие, лишние вещи. Такие времена называют кризисными или поворотными. Я совершенно уверена, что такое время выпало нам..."

Галина СЕРОВА

В ВИДЕОСТУДИИ СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКОГО ИНСТИТУТА ВЫШЛИ НОВЫЕ КАССЕТЫ

«Я говорю: ты готов к невероятному счастью?»

Видеокассета с записью встречи братства "Сретение" и лауреата многочисленных литературных премий, поэта Ольгой Александровной Седаковой, состоявшейся 18 января 2004 г. в часовне института

"Встреча настоящего поэта с настоящей общиной" - так охарактеризовала это событие одна из его участниц - друг поэта, религиовед А. Шмагина-Великанова. Продолжительность - 1 ч. 57 мин.

Духовные движения в народе Божьем. История и современность

Международная научно-богословская конференция 2-4 октября 2002 г.

15-летию Свято-Филаретовского православно-христианского института посвящается

Кадры из жизни Института

К 15-летию Института собраны кадры из архива разных лет. Это - беглое воспоминание лиц и событий, которые могут быть дороги многим, потому что жизнь Института и получение духовного образования неотрывно связаны с жизнью общин и братств, а значит с жизнью Церкви.

Продолжительность - 4 мин.

Сюжет о международной научно-богословской конференции "Духовные движения в народе Божьем. История и современность", организованной Свято-Филаретовским институтом совместно с журналом "Вестник РХД" и Институтом человека РАН в 2002 г. представляет выдержки из докладов, интервью участников и гостей, а также некоторые размышления, поднимающие вопрос о роли духовных движений в жизни церкви.

Продолжительность - 25 мин.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКОГО ИНСТИТУТА

Память и беспамятство в церкви и обществе: итоги XX века: Материалы Международной научно-богословской конференции (Москва, 18-20 сентября 2000 г.). М., 2004. 328 с.

*"Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки,
И своею кровью склеит
Двух столетий позвонки?"*

Можно сказать, что в этих строках Осипа Мандельштама - весь вызов человеку XX века, ибо все, что происходило с ним в этом веке, было стремлением либо уйти от этого вопроса, отказавшись от памяти, либо попытаться на него ответить, т.е. принять вызов времени и решиться помнить.

Мы связаны со многими поколениями, жившими до нас, и должны чувствовать ответственность за то, что будет после нас. В этом смысле разговор о памяти, переходящий в разговор о предании, всегда актуален. Почему христианский мир почти забыл, что он - христианский? Не случайно главный вопрос, главная проблема жизни

церкви XX века - это проблема поиска ее истинного предания.

Забывать то, что от Бога, - нельзя. Не желать знать и помнить - значит не делать выводов, не менять своей жизни, не уметь каяться, а следовательно, не иметь сил идти вперед.

Именно этот разрыв в памяти церкви и общества оказался в центре внимания участников конференции Свято-Филаретовского института "Память и беспамятство в церкви и обществе", проходившей в 2000 году в Москве.

В рамках конференции впервые был проведен круглый стол журналистов, где вместе работали представители газеты "НГ-Религии", сайта "Соборность", журнала "Православная община", газеты "Радонеж", журнала "Православная беседа" и Союза православных граждан.

Православное богослужение. Выпуск 1: Вечерня, Утреня и Литургия св. Иоанна Златоуста: Перевод с греческого языка на русский язык / Пер., сост. и предисл. свящ. Георгия Кочеткова; Вступ. слово С. Аверинцева. 4-я ред. М., 2004. 208 с.

"Язык любого народа на земле благоугоден Богу и может служить литургическим языком. И, конечно, таковым может быть язык русский, хотя, как и все прочие языки на земле, в этом качестве он еще должен в значительной степени создаваться, но создаваться в Церкви, и во время богослужения, а не вне его.

С другой стороны, постоянно углубляющийся интерес к церковной жизни и православному богослужению приводит Россию к тому, что все больше людей хотят знать и понимать то, что они в церкви делают" - пишет в своем предисловии к первому выпуску переводов православного богослужения рек-

тор СФИ, священник Георгий Кочетков.

Только что вышло четвертое переиздание этого сборника. Это отнюдь не механическое воспроизведение ранее имевшихся текстов. Еще при третьем переиздании о. Георгий, являющийся автором переводов, вместе с профессиональными филологами-христианами вновь обратился к источникам - лучшим изданиям соответствующих служб на греческом языке, а кроме того - к лучшим их переводам на церковнославянский, русский и английский языки. Очередное переиздание также содержит и исправления, и дополнения.

Язык Церкви. Вып. 3 [Сборник] / Сост. В. Котт. М., 2004. 328 с. Содерж. авт.: Из отзывов епархиальных архиереев (1905-1906 гг.), свт. Николай Японский, свящ. Димитрий Ахматов, свящ. Николай Пономарев, В. Певницкий, свящ. Димитрий Силин, П. Мироносицкий, Б. Сове, В. Печатнов, А. Плетнева, В. Котт.

Вопрос богослужебного языка, в настоящее время являющийся в Русской православной церкви дискуссионным, в начале XX в. осознавался как вопрос, требующий неотложного решения. Несомненно, центральным свидетельством церковного сознания того времени являются "Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе". Вопросы о богослужебном языке среди заданных архиереям вопросов не было, но они сами заявили о необходимости пересмотра и исправления богослужебных книг как о первооче-

редной потребности церковной жизни. В сборнике "Язык Церкви" дана исчерпывающая подборка отрывков из "Отзывов...", посвященная этой проблеме. Ее сопровождают обзор и анализ соответствующей дискуссии в 1905-1908 гг., а также статьи современных авторов по истории богослужебного языка.

Книга предназначена не только для филологов, историков и богословов, но и для всех христиан стремящихся к единству Духа и Смысла в богослужении и жизни, как главному критерию и цели.

"АЛЕТЕЙЯ" ЗНАЧИТ - "ИСТИНА", "ПРАВДИВОСТЬ", "ОТКРЫТОСТЬ"

Интервью с Игорем Савкиным,
главным редактором издательства «Алетейя»

Питерское издательство "Алетейя" - одно из старейших частных издательств России. В 2004 году ему исполняется двенадцать лет.

За это время оно завоевало репутацию лидера среди научных издательств страны: солидные тома сочинений классиков отечественной философии и культурологии, многочисленные памятники мысли с изысканным фирменным знаком сегодня можно найти в любом уважающем себя книжном магазине. Всего выпущено более 800 названий книг по основным разделам гуманитарного знания. Большую роль в издательских планах "Алетейя" играют книги на религиозные темы, входящие в такие знаменитые серии, как "Античное христианство", "Византийская библиотека", "Богословская и церковно-историческая библиотека".

Религиозная книжная стратегия "Алетейя" - тема беседы журналиста Бориса Колымагина с главным редактором издательства Игорем Савкиным.

- Игорь Александрович, когда издательство "Алетейя" стало издавать религиозную литературу?

И. Савкин. Отдел религиозно-философской литературы существовал в издательстве с самого начала, а я был его руководителем. В то время я писал диссертацию о творчестве религиозного философа Л.П. Карсавина и преподавал на кафедре философии Санкт-Петербургского университета. Круг моих интересов во многом определил приоритетное направление деятельности издательства. Никаких разногласий по этому поводу с моим компаньоном у нас не возникло. Среди первых книг, выпущенных "Алетейей", были работы Ивана Ильина, Льва Карсавина, Алексея Лосева...

- Вы не боитесь острых, дискуссионных тем?

И. Савкин. Нет, не боюсь. Так, мы выпустили достаточно спорную книгу игумена Вениамина (Новика) "Православие. Христианство. Демократия". Известно, что о. Вениамин, когда принимался новый закон о свободе совести, выступил против этого закона и пострадал: его уволили из Петербургской Духовной Академии. Книга о. Вениамина вызвала самые противоречивые отзывы. Мне пришлось слышать упреки в том, что "такое уважаемое издательство пригласило змею на своей шее".

Еще один пример - книга В. Мосса "Православная Церковь

на перепутье". Она также вызвала неоднозначную реакцию. Были весьма гневные отзывы. Мы даже удостоились получить письмо из Издательского совета Московской Патриархии, в котором было выражено неодобрение по поводу публикации этой работы. Однако книга очень интересная, насыщена богатым фактическим материалом, и умный человек может извлечь из нее немало пользы.

- Печатаете ли Вы книги, не относящиеся к православию?

И. Савкин. Мы выпустили две книги по буддизму. Их автор - трагически закончивший свою жизнь Б.Д. Дандарон. Он был крупным отечественным мыслителем. Так сложилась судьба, что он сидел в лагере с другим нашим автором, В.Э. Созеаном.

Мы опубликовали ряд произведений представителей протестантской мысли: Барта, Шумахера, Беркли... Многие православные священники сказали мне слова благодарности за это.

- Печатают эти книги, Вы исходите из своих мировоззренческих установок? Вы - верующий?

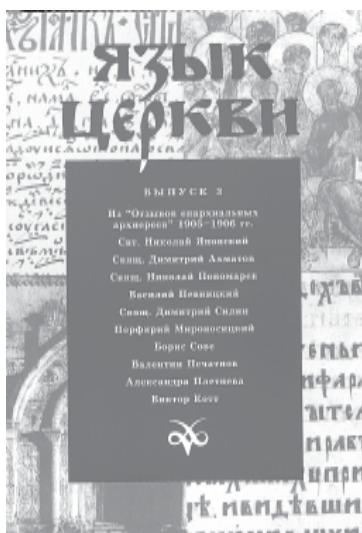
И. Савкин. Я православный христианин. Меня крестили еще в детстве, в Кохтла-Ярве. Причем в той самой церкви, где служил будущий патриарх Алексей II. Родители мои тоже были православными.

- Вы разделяете свою профессиональную деятельность и религиозную принадлежность? Были ли в Вашей практике случаи, когда Вы по религиозным мотивам отказывались печатать ту или иную книгу?

И. Савкин. Мне довольно часто приходится делать выбор, о котором Вы говорите. Я получаю немало предложений от тех, кто хотел бы использовать для своих целей репутацию "Алетейя". Но никакие финансовые выгоды не могут заставить нас не считаться с тем уроном, который может быть нанесен душам наших читателей изданием недоброкачественной в духовном плане литературы.

- Стало быть, нравственный императив входит в стратегию издательства?

И. Савкин. Безусловно. Нравственный императив входит и в само название издательства. Слово "алетейя" в переводе с языка древнегреческих мыслителей на современный русский означает "истина", "правдивость", "открытость".

Нашу газету можно приобрести:

В Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ - ул. Покровка, д.29, оф.38), в центре религиозной литературы ВГБИЛ им. Рудомино (ул.

Николаяская, д.6), в книжном киоске первого гумфака МГУ
В Санкт-Петербурге: в магазине "Слово" (Малая Конюшенная, 9)

Телефоны распространителей:

Москва: 3142596 (Александра Ошарина), 1314769 (Ольга Филиппова), 2107006 (Ольга Орлова), 1589116 (Валерия Волкова), 3426306 (Марина Чиркова),

Санкт-Петербург: 8-9216449348 (Анастасия Наконечная)
Тверь: 8-0822502308 (Олег Ермолаев)

Редакторы:

Александр Буров (СПб)
Александра Колымагина (Москва)

Над номером работали:

Владимир Лидский
Дмитрий Матвеев
Александра Ошарина

Анастасия Наконечная

Елена Чеботасва

Иллюстратор: Татьяна Аразян

Дизайн: Андрей Мареев

Верстка: Татьяна Тыртыш

Тел./факс: (095) 923-03-80

e-mail: kifa@list.ru

Тираж 1000 экз.

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ №77-14924 от 26 марта 2003 г.